

МИХАИЛ КОСТИН
АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

ЗЕМЛЯ-ПАЛАДОС

Михаил Костин
Алексей Андреевич Гравицкий
Земля – Паладос

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25567560

Земля – Паладос / Михаил Костин, Алексей Гравицкий: Снежный Ком

М; Москва; 2018

ISBN 978-5-98862-416-5

Аннотация

Вот уже сотни тысяч лет корабли землян бороздят просторы космоса. Человечество выросло, вышло за пределы Солнечной системы, вступило в контакт с внеземными цивилизациями, выиграло кровопролитную войну с призраками – представителями загадочной негуманоидной расы.

Однако борьба не окончена: время от времени призраки снова напоминают о своем существовании, тогда на помощь приходит Церковь Света – в это верит каждый. А вот кто поможет потерявшему веру священнику-следователю Церкви Света? Быть может коллега по несчастью?

Брат Габриель усомнился в догматах святой обители, брат Исаак никогда в них не верил, да и священником-следователем быть не хотел. Но какая разница, кто ты и во что веришь, когда нужно спасти мир?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	63
Глава 5	73
Глава 6	100
Глава 7	125
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Михаил Костин, Алексей Гравицкий Земля – Паладос

Глава 1

Работа на дробилке была не из самых интересных, но Грон не жаловался на судьбу. Многие на Паладосе не имели и такой работы. Он же помогал Мастеру Элиоту превращать куски горной породы в мелкий красный песок и получал за это несколько кредитов в неделю.

Вот удивительно: кому нужно столько песка? И зачем? То же невидаль! Да этого добра вокруг полным-полно. Хотя...

Как-то раз он увидел у Мастера Элиота на картинках звезды – удивительные и непонятные штуки. Он спросил Мастера, что это. Тот попытался объяснить, но Грон, всю жизнь наблюдавший трехцветное, не меняющееся ни днем, ни ночью небо, толком ничего не понял, кроме того, что если подняться в космос, то там этого добра видимо-невидимо. А Мастер Элиот еще непонятно добавил: «Если звезды зажигаются, значит, это кому-нибудь нужно».

Видать, с песком – как с теми звездами: он тоже кому-то нужен. Не зря же каждую неделю из космопорта прибывали

четыре грузовых флаера и забирали все до последней песчинки, освобождая хранилища для новых запасов.

Грон наблюдал за этим процессом с трепетом. Каждый раз, когда вереница тяжелых перегруженных машин тянулась от хранилищ к массивным воротам, внутри у него всё замирало. Иногда ему даже хотелось бросить всё к черту и рвануть с флаерами в космопорт, что обосновался на окраине планетарной столицы Арубус. Грон отвлекся от созерцания погрузочных процессов, стянул с головы шапочку и вытащил из-за отворота картинку. На изображении виднелись просторные дома, оживленные улицы – другая жизнь. Он видел столицу и космопорт только на картинках, у Мастера их было много. Одну Грон даже ухитрился стянуть. Хотя – почему стянуть? Она валялась на полу, и он ее украдкой подобрал. Можно сказать – нашел.

Мир на этой картинке казался нереальным, словно вырванным из какой-то сказки. Впрочем, для Трона он и был сказкой. Парень знал другой Паладос: с бесконечными песками, трехцветным небом и Дробилкой. О том, что однажды он отправится в столицу и войдет в единственный на планете космический порт Лапус Хоул, Трон мог только мечтать. Но юноша понимал, что такие дальние путешествия не для него. Арубус находился на расстоянии трех тысяч километров, и самый дешевый билет туда стоил более сотни кредитов. Таковую сумму Грон не заработал бы даже за две жизни. Кроме того, в Распределительном Центре рассказали, что ехать ту-

да не стоит, поскольку делать там ему всё равно нечего – работы не найти, зато неприятностей – сколько угодно. К тому же с самого рождения Грон являлся практически собственностью Дробилки. Вся его жизнь была известна заранее на много лет вперед. Утром, после того как колокол возвещал о начале дня, он покидал свой спальный куб и отправлялся на работу. В середине дня он уходил на перерыв, обедал, а вечером спешил в местный бар на кружечку пива, после чего возвращался домой и ложился спать. И все доступные ему радости заключались в картинке, спрятанной за отворотом шапочки, и мечтах о столице и мирах за пределами Паладоса.

– Грон, – недовольный голос Мастера вернул юношу к реальности, – сириусянский выкормыш! Где тебя носит?!

Грон вспомнил, что отпросился по нужде. А Мастер Элиот сидит возле машины вместо него уже, наверное, с полчаса, пока он тут прохлаждается и наблюдает за флаерами. Парень торопливо спрятал картинку, натянул шапочку и поспешил обратно. Неприятности ему не нужны, а они обычно возникали у того, кто вместо работы следил за отгрузкой.

Проблем Трону хватало и без этого. Паладос был миром суровым, с тяжелой и серой жизнью, хотя когда-то третья планета системы Сириуса, хоть и находилась на задворках Млечного Пути, считалась одним из немногих райских уголков вселенной. Сейчас уже никто не вспомнит, кто и в честь чего или кого дал планете имя Паладос. Но достоверно из-

вестно, что раньше планету покрывали океаны и густые изумрудные леса. Здесь был яркий животный мир, но, к несчастью для него, на Паладосе находились еще и крупные месторождения черной руды – редкого и дорогого сырья, используемого для строительства космических аппаратов. Именно этот немаловажный факт и погубил изумрудно-голубую планету.

Первыми разработкой месторождений занялись зордиане. Вырубив леса, они построили на планете несколько городов, соорудили шахты. Красивости ландшафтов и природные заповедники их не волновали, ведь речь шла о крупных доходах от добычи ископаемых. Несколько веков спустя в результате небольшой заварушки с пархианцами, громко названной военным конфликтом, зордиане потеряли планету. Новые хозяева не стали вкладываться в разработки, а просто продали Паладос со всеми потрохами людям. Человечество же по старой привычке постаралось отобрать у планеты всё, что можно, высосав из многострадального шарика последние соки. В итоге Паладос лишился не только содержимого недр, но и неразумных коренных жителей, которых люди благополучно продали всё тем же пархианцам в качестве деликатеса.

К тому времени, когда рудные месторождения истощились и хозяева перенесли свои предприятия в другие места, Паладос остался пустым и мертвым. Не было здесь больше ни растительности, ни исконных форм жизни, ни назем-

ных водоемов. Бесподобная некогда по своей красоте планета мало что могла предложить случайным путешественникам. Всё, что здесь сохранилось, – немного грунтовой воды и разреженная, но пригодная для дыхания атмосфера, которую поддерживали два старых генератора, построенные первыми поселенцами. Кроме этого, тут имелся древний космический порт и одна действующая шахта с громким названием «Распределительный Центр», где тысячи поселенцев вынуждены были драться из-за редких остатков черной руды, которую всё еще можно было найти в глубоких туннелях подземных сооружений.

Те, кому выпало несчастье жить здесь, ненавидели родную планету. И их можно было понять: грязный, затерянный на задворках вселенной Паладос не располагал к любви. И они ненавидели. Ненавидели судьбу, ненавидели свою работу, но больше всего они ненавидели пришлых, явившихся сюда после них. К слову, таких искателей приключений было много. Слухи о чернорудном Клондайке всё еще гуляли по галактике и привлекали достаточное количество романтиков и неудачников, чьи мечты о тайных сокровищах и неоткрытых месторождениях могли рассеяться лишь в туннелях Шахты.

В этом смысле Трону повезло. В отличие от большинства паладосийцев, он не был приезжим. Он не проигрывал в карты свой обратный билет, не скрывался от властей и бывших жен. Трон родился на Паладосе и мог смело назвать себя местным жителем. Конечно, не коренным, а, скорее, потом-

ком тех шахтеров, что прилетели на планету около трех веков назад. Как и другие аборигены, Трон никогда не покидал родную планету. За всю свою сравнительно недолгую жизнь он ни разу не выходил даже за пределы Распределительного Центра.

К своим двадцати годам Грон уже завершил три этапа обучения. Через два года он мог стать первым подмастерьем Мастера Элиота. Эта должность лучше оплачивалась и давала возможность получить лучшее жилье. Может быть, даже комнату с отдельной ванной. От одной идеи Грона бросало в дрожь. О, собственная комната с отдельной ванной и, возможно, даже с кухонной стойкой!.. Мысль об этом грела даже больше, чем мечты о космопорте.

Грон пытался представить себе новую обстановку, слепо глядя через маленькое круглое оконце. Вдали виднелись расплывчатые очертания гор Лироса, нависавших над долиной и отбрасывавших длинные тени на качающиеся дюны. Утреннее небо над ними оставалось неизменным: бледно-серым снизу, желто-красным в центре и темно-синим далеко наверху.

Колокол ударил второй раз. Трудовой день подходил к концу. Грон огляделся. До рабочего места у машины, где продолжал пыхтеть Мастер Элиот, он так и не добрался... ну и ладно, завтра всё доделает.

Парень тряхнул головой, развернулся и поспешил в общий транспортный туннель, который представлял собой

прозрачную трубу метров триста в диаметре. Обычно туннель выглядел довольно оживленным, во всяком случае, в те часы, когда в него попадал Грон. Так было и сейчас. Сотни рабочих, по большей части такие же дробильщики, заполняли автоматизированные тротуары, которые вели сразу в несколько точек. Например, в Диспетчерский отсек – огромное сорокаэтажное здание. Эту серую махину называли сердцем всей Добычи. Именно туда по утрам приходили рабочие и шахтеры, и именно оттуда они возвращались по вечерам. Здесь же собирали песок и загружали его на транспортные суда.

Грон стоял на платформе, терпеливо ожидая небольшого просвета в потоке людей. Этот скучный ритуал повторялся изо дня в день и вряд ли мог порадовать какой-то неожиданностью. Высмотрев свободное место, парень впрыгнул на металлическую полосу. Та беззвучно потянула его вдоль вытесанных из цельного камня темно-красных зданий. Гладкая поверхность скучных построек практически не отражала свет. Вокруг высоких сооружений и между ними находились многочисленные транспортные пути, заполненные вездеходами, тяжелыми грузовиками и легкими подвесными платформами. Большинство машин было выкрашено в темно-синий цвет, отчего транспортные пути издали напоминали глубокий, хитро ветвящийся канал. Хотя у Грона такой ассоциации возникнуть не могло: каналов, тем более глубоких, он никогда не видел. Даже на картинках.

Зато он много раз видел маркировку, что мелькала на темно-синих бортах грузовиков и вездеходов. И если бы кто-то спросил, юноша легко мог рассказать, что эта картинка на темно-синем фоне – эмблема Клана «Сюи Де Манн», или СДМК, как называли его местные.

СДМК, влиятельнейшая группировка техномагов, появилась на Паладосе около двадцати лет назад. Поговаривали, что изначально целью их визита было расследование необычных происшествий на Шахте. Однако после завершения расследования эти странные люди отчего-то решили остаться – если не навсегда, то на весьма неопределенный срок. Во всяком случае, убираться восвояси они пока не собирались.

Выкупив у планетарных властей несколько заброшенных туннелей, люди Клана завезли оборудование и начали какие-то раскопки. Что именно они собрались раскапывать, можно было только догадываться. Всевозможных гипотез ходило множество: всякий предлагал свою версию, отчего Распределительный Центр зашелестел слухами – один невероятнее другого.

Чему верить, Грон не знал, поэтому просто отмечал для себя новые факты. А факты были такими: следом за первой группой техномагов на Паладос прибыли еще шесть. Все они покупали участки заброшенных шахт и начинали собственные раскопки. В народе это поначалу вызывало раздражение. Но когда пришлые стали нанимать людей, давая столь

ценные рабочие места, народ потихоньку забыл о сомнениях. Жалобы прекратились, тем паче что новые техномаги уже не приезжали. Зато слухи продолжали ползти.

– Эй, ты не слышала о братьях Ординус Прайм?

Грон повернул голову на голос. Женщина, что ехала позади него, обращалась, конечно, не к нему, а к одной из своих спутниц, но всё какое-то развлечение: если не поговорить, так хоть послушать.

– Нет, – покачала головой вторая, с веснушчатым носом.

Третья лишь молча дернула в сторону подбородком.

– Они обещали снова открыть туннель, – понизив голос, продолжила первая.

– Неужели?

Грон наострил уши.

– И где ты об этом узнала? – недоверчиво хмыкнула та, что до сих пор молчала.

– Прошлой ночью я была в столовой на третьем уровне...

– Я так и знала... – в голосе подруги добавилось скепсиса. – Снова эти глупые слухи.

– Зачем ты так говоришь?

Юноше показалось, что первая из приятельниц обиделась.

– Потому что из столовой на третьем уровне, – наставительно сообщила третья, – никогда не выходит ничего путного, кроме сплетен.

– А что если это правда? – оживилась веснушчатая. – Что если маги снова откроют другой туннель? Может, мы хотя бы спросим, может, зайдем место в очереди... пока еще не поздно.

– Делай, что хочешь, – третья дама явно потеряла интерес к разговору. – Я не буду больше тратить время впустую, стоя в этих дурацких очередях. Что мне, заняться нечем?

– А что, есть чем?

– Представь себе, да, – третья гордо вздернула нос. – Я собираюсь подать заявление на административную должность в «Сюи Де Манн». Знаешь Анну Джульетту с нижнего уровня? Она по большому секрету шепнула мне, что в отделе надзора есть вакансия.

– А ты и уши развесила, – хихикнула та, что завела разговор. – Она тебе еще и не то шепнет.

– Ну, уж во всяком случае это не сплетни из столовки, – теперь уже насупилась третья. – Она сказала, что идет набор сотрудников.

– Да нужна ты им в администрации! Держи карман шире!

– Точно-точно, – поддержала веснушчатая подругу. – Техномаги никогда не берут нас, простолюдинов. Боятся испортить свой безупречный генофонд, если ты понимаешь, о чем я.

Грон отвернулся. Слушать бабскую перебранку – занятие скучное. Впрочем, спор скоро перешел на рассуждения о техномагах и тех, кто на них работает. Потом тетки приня-

лись перемывать косточки какой-то Луизе. Оказывается, та совсем стыд потеряла, спит с кем попало. Шутка ли, за пять лет сменить трех мужей и четырех любовников.

От таких подробностей Трону стало совсем тоскливо. Уж лучше бы обсуждали техномагов. Пусть он тысячу раз слышал про то, как те стали настоящими властителями Паладоса, но это по крайней мере соответствовало истине.

Власть принадлежит тем, у кого есть кредиты, это Грон знал точно. И хотя Федерация назначила временного губернатора, тот был гол как сокол. Нет, конечно, денег у губернатора имелось больше, чем у Грона и тех трех теток, вместе взятых, но все же недостаточно, а следовательно, и власти практически никакой. У техномагов же, напротив, количество кредитов зашкаливало. И использовали они их на свое усмотрение, а не согласно бюджету. Например, они наняли собственную охрану, а в космическом порту у них был персональный док, который не вправе инспектировать даже губернатор. Сам Грон этого не видел, конечно, но так говорил Мастер Элиот, а ему верить можно.

Барышни всё еще обсуждали несчастную распутницу Луизу, когда самодвижущаяся полоса обогнула массивную колонну из белого металла. Грон сиганул на выложенную из камня платформу, что служила входом в Диспетчерский центр. Не останавливаясь, проскочил через большой круглый провал входа и поспешил к третьему терминалу, чтобы

сдать свой дневной отчет о проделанной работе. Хотя парень и не понимал, зачем это нужно, ведь занятие его было однообразным и скучным. Грон частенько говорил: «Дело плевое – следить за лезвиями и ничего не делать». И эта характеристика в полной мере соответствовала действительности. Большую часть времени Грон просто стоял около большого выключателя и пристально наблюдал за возможными посторонними предметами в горной породе. Время от времени юноша останавливал лезвия и чистил их, просто потому, что скучал. Изредка он ходил вдоль поточной линии и изучал куски породы. Да еще слушал Мастера Элиота, который, в отличие от Трона, был всегда занят.

Старый рабочий Дробилки отвечал за все двенадцать этажей, на которых трудилось около трехсот человек и вдвое больше роботов. У него никогда не было и минуты отдыха. Стоило только Мастеру расслабиться, как на линии обязательно случалось что-то, требующее его вмешательства. И старик кричал, ругался на чем свет стоит и, проклиная свою судьбу и всех, кто встречался ему на пути, мчался исправлять неприятность. А неприятности происходили постоянно.

К счастью для Трона, у него никаких проблем с Мастером Элиотом не возникало. Лопасты всегда перемалывали горную породу, а песок всегда передавался на следующую станцию, которая была спрятана за металлической дверью. По крайней мере, он так думал. Но не успел Грон подойти к

терминалу, как за спиной прозвучал знакомый голос:

– И что это мы здесь делаем?

Грон вздрогнул и повернулся. Перед ним стоял Мастер Элиот, но никого другого рядом больше не оказалось.

– Я? – робко вымолвил Грон.

– Конечно ты, кто же еще?

– Я... Я сдаю дневной отчет.

– Замечательно, а ты ничего не забыл?

– По-моему, нет.

– А по-моему, да.

Грон тупо уставился на начальника.

– Сколько часов сегодня ты провел на рабочем месте?

– Десять.

– Нет, не десять, – возразил Мастер Элиот, – а восемь с половиной. Остальное время ты шатался без дела между уровнями.

– Да? – искренне удивился Грон.

– Да. А значит, ты задолжал Дробилке еще один час и тридцать минут.

– Что же мне теперь делать?

– Что делать, что делать! – рявкнул старый рабочий. – Возвращаться на свое рабочее место – вот что делать.

Грон спорить не стал. Он отшатнулся от терминала и поспешил обратно к общему транспортному туннелю.

Ухнуло. Очередная глыба с грохотом шваркнулась на ме-

таллическую ленту транспортера. Грон поерзал. Стул, на котором он сидел, был жесткий и неудобный. Но работать стоя, когда есть возможность сесть, не хотелось.

Конвейер медленно потянул свою нелегкую ношу к огромным лезвиям. Ножи, повинувшись заложенной программе, резко упали вниз. Комнатушку окатило глухим треском. Лезвия врезались в глыбу с такой силой, что та раскололась, словно орех, по которому зачем-то ударили кузнечным молотом.

Парень протяжно зевнул, широко раззявив рот. Весь этот процесс он наблюдал несчетное количество раз. Конвейер монотонно, с прилежностью школяра повторял свою работу. Неровного размера куски проехали остаток ленты и свалились на другой транспортер. Тот поволок их к лезвиям поменьше. Снова грохнуло, немного тоньше и тише. Осколки глыбы разлетелись на еще более мелкие кусочки. И так повторялось снова и снова – до тех пор, пока горная порода не превратилась в песок. Лента дотянула песчаную горку до стены, и готовый продукт исчез в открывшемся на дальней стене отверстии. Как только песок оказался по ту сторону стены, дверцы снова закрылись. Когда-то давно, в первые дни работы здесь, Грон пытался подловить момент и подглядеть, что происходит с песком за стеной. Он промучился с этим довольно долго, пока, наконец, не понял: конвейер устроен таким образом, что заглянуть в соседнее помещение невозможно.

Он снова поерзал. Сидеть было особенно неудобно. Бро-

сив наблюдать за глыбой, которая один черт никуда не денется, Грон слез, чтобы поправить сиденье. Машина всего лишь на мгновение выпала из поля его зрения, потому сказать, что произошло в следующий момент, он не смог бы даже под пыткой.

Но вместо привычного треска почему-то раздался мерзкий с присвистом скрежет. Следом комнату наполнил звук ломающегося металла, откуда-то сверху вырвался столб пара. Грон отшатнулся, и это спасло ему жизнь. Два огромных лезвия пролетели над головой и впились в стену и в дверь, перекрыв пути к отступлению.

Ноги предательски затряслись, и напуганный парень грохнулся на пол. Струи пара ударили с новой силой, а от страшного скрежета нестерпимо захотелось вскочить и бежать сломя голову. Но бежать было некуда, и Грон сжался, обхватив голову руками и зажмурил глаза.

Посмотреть, что происходит, юноша решился, только когда прекратился скрип и затихло металлическое эхо. Впрочем, он всё равно ничего не увидел. Вокруг клубился пар, оседая густым туманом, и разглядеть хоть что-то за этой молочно-белой пеленой было невозможно.

Парень поднялся и нащупал еще пять минут назад казавшийся неудобным стул. Мысли скакали в голове, как напуганная шпана, уцепить хоть одну из них не представлялось возможным. Грон зачем-то уселся на сиденье и ошалело вытаращился туда, куда обязан был смотреть по долгу службы.

Сквозь оседающий туман начали проступать корявые черные тени. Когда пар почти рассеялся, стала понятна причина аварии. На ленте конвейера, прямо под барабаном, среди кусков разбитой горной породы парень разглядел пыльную железяку.

– Ух, ничего себе... – пробормотал Грон.

Он подался вперед, но со стула не слез. В общем, это и не требовалось, всё и так было видно как на ладони. Железяку зажало между лентой транспортера и барабаном, а ее края находились как раз под сломанными лезвиями. Должно быть, эта штукавина была спрятана внутри глыбы. Выходит, его вины в аварии нет. Вот только как это объяснить Мастеру? Парень повернулся, глянул на торчащие из стены сорванные лезвия и пришел к выводу, что гнев старика Элиота ему уже не так страшен.

Первое потрясение прошло, и Грон наконец рискнул слезть со стула и подойти ближе. Железяка была довольно внушительных размеров и имела форму куба. К своему удивлению, парень заметил, что лезвия барабана совершенно не повредили гладкие металлические грани. Остатки страха мгновенно улетучились, уступив место здоровому любопытству. Грон наклонился вперед и провел рукавом по пыльной поверхности металла.

Сперва он увидел собственное отражение и подивился тому, что железка может так идеально отражать. Но тут же углядел новую причину для удивления: грани куба были ис-

пещрены тонкими резными линиями. Линии эти проходили посередине каждой стороны куба, образуя в центре грани маленький круг.

Грон провел ладонью по металлическим бокам. Круги на гранях, казалось, имели другую, чуть отличную фактуру. И блеск их был тусклее, если приглядеться, а временами и вообще исчезал.

Из коридора донеслись громогласные проклятия и знакомая брань. С той стороны переключенной, изуродованной двери слышались удары. Грон обрадованно подскочил к двери, позвал:

– Мастер Элиот?! Я здесь!

– Грон? – голос старого ворчуна дрогнул, или юноше это показалось. – Ты живой? Что с тобой?

– Всё в порядке, – отозвался он. – Но я не могу выйти.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – голос Мастера зазвучал увереннее. – Отойди-ка пока от двери.

Юноша кивнул и повернулся к убитому конвейеру. Краем глаза он заметил едва различимый отсвет. словно солнечный зайчик скользнул вдоль одной из линий на кубе и исчез. Не сводя глаз с загадочной железяки, парень двинулся к ленте конвейера. Свет мелькнул снова. Теперь отчетливо было видно, что он имел желтоватый оттенок, не слишком яркий и не слишком тусклый.

Грон медленно протянул вперед руку и коснулся пальцем ребра куба. На этот раз металл оказался холодным, гладким

и... мягким. Юноша надавил двумя пальцами на поверхность куба. И пальцы легко погрузились в, казалось, непроницаемый металл. Грон попытался отдернуть руку, но ничего не вышло. Наоборот, пальцы уходили всё глубже. Парень потянул сильнее – ничего. Вскоре уже вся кисть исчезла в недрах куба.

Страх перехватил горло, липкой мокрой струйкой пота побежал по спине. Захотелось закричать, но из глотки выполз только сдавленный хрип. Он снова и снова пытался вытащить руку, но тем самым только ухудшил дело. Рука ушла внутрь железяки по самое предплечье.

– А-а-а-а!!! – закричал он что есть силы, но губы онемели, горло перехватило, и вместо крика вышел лишь легкий стон. Холод металла ожег локоть.

– Мама, – чуть не плача прошептал Грон. Он извернулся, в последний раз попытавшись вырвать руку из плена, но что-то внутри куба укусило его. Всё тело

пронзила острая боль, от которой потемнело в глазах. Перехватило дыхание, и юноша с ужасом понял, что не может вдохнуть.

– Парень, – донеслось из коридора. – Отойди от двери. Сейчас я тебя выпущу.

Грон не смог бы ответить, даже если бы захотел. Тело рвало болью, грудь нещадно давило, словно сверху навалилась огромная туша. Дышать было невозможно. В глазах потемнело. В какую-то секунду ему показалось, что сейчас его расплющит. Мысленно он уже приготовился умереть.

От двери грохнуло, и в тот же момент словно что-то щелкнуло внутри. Давить перестало, в легкие рванул воздух. Грон закашлялся. Тело пронзила новая вспышка боли. Он изогнулся и наконец закричал. Страшно, дико, как не кричал никогда в жизни.

В глазах сделалось совсем темно, и он вывалился из реальности...

Перед глазами всё плыло, в ушах гулко звенело. Первое, что увидел Грон, когда отступила темнота, было лицо Мастера Элиота. Старик склонился над ним, что-то говорил, суетился... Из-за проклятого звона в ушах Грон ничего не слышал, но поймал себя на том, что его раздражает Мастер Элиот. Юноша почувствовал, как внутри закипает ярость. Чувство было новое, незнакомое, словно кто-то взял и вложил в Трона росток агрессии.

Парень позволил себя усадить. В голове творилось что-то несуразное. В ушах по-прежнему стоял перезвон, будто тот, кто дважды в день бьет в колокол, свихнулся и принялся долдонить почему зря без остановки. Грон потрянул головой и уставился на старика. Он уже мог слышать причитания Мастера, но этот голос отчего-то жутко раздражал Трона. Еще больше злила старческая физиономия с участливым выражением.

Он вдруг понял, что ненавидит Мастера Элиота. Ненавидит его всклокоченные волосы, его голос, его полное тело, его лицо. Ненавидит каждую черточку на этой мерзкой роже. Неизвестно откуда взявшаяся ненависть была слишком велика, чтобы уместиться в одном человеке, и Грон дал ей выход.

Рука его по-прежнему находилась внутри куба. Веса железяки он не заметил. Куб легко взлетел вверх и стремительно рухнул вниз. Недоумение на участливом лице Мастера Элиота быстро сменилось отвратительной гримасой боли. Из разможенного виска вниз побежали темные густые струйки крови.

Старик покачнулся и рухнул на пол. В последний миг своей жизни, разрываясь между непониманием и болью, он почувствовал, как кто-то или что-то проникло к нему в брюхо. От нахлынувшей боли захотелось кричать. Но кричать старик не успел, смерть оказалась проворнее старого рабочего.

Глава 2

Стыковочный пункт Нью-Детройта, космической базы в системе Гермеса, переливался сотнями мигающих красных и желтых огней. Вычурная разметка! Как будто пилоты космических аппаратов такие идиоты, что не попадут в стыковочный шлюз без всех этих мигалок. Если б так было на самом деле, то космолетные школы следовало бы позакрывать, а преподавателей скопом выгнать на пенсию.

Громоздкий устаревший транспортник «Венус-Аксус 2033-22» сделал легкий крен вправо и поравнялся со шлюзом. Автоматика начала стыковку, скрежетнули металлические тиски захватов, старый корабль содрогнулся. Брат Габриель недовольно поморщился и приоткрыл левый глаз. Маленькие бортовые часы на спинке переднего сиденья показывали, что он проспал без малого пять часов. Но отдохнувшим Габриель себя не чувствовал.

В раскалывающейся голове стучало, словно кто-то, пока он спал, вытащил из черепушки содержимое и подселил туда десяток дровосеков. Тело затекло и ныло от долгого сидения в неудобном кресле.

Брат Габриель с неохотой открыл второй глаз и с хрустом повертел затекшей шеей. Заспанно огляделся. Внутри переполненного душного салона ничего нового не обнаружилось. Три ряда таких же неудобных, узких ложементов. Раз-

ношерстные пассажиры: люди, гуманоиды, парни, похожие на роботов, – все они, казалось, пристально смотрят на монитор перед собой.

Габриель невольно перевел взгляд на экран и поморщился. Предполагалось, что там должно отображаться происходящее снаружи. Вместо этого зрителям предлагалась раздражающая неподвижная картинка с неуместным живописным водопадом. Именно эти «фотообои» на экране еще в самом начале полета навели на мысль, что лучше спать, чем коротать время за разговорами.

Выматывающая головная боль не отпускала. Напротив, еще больше усилилась, хотя, казалось бы, куда уж больнее. В висках нещадно барабанило, и он снова закрыл глаза. «Отвлечься», – продралось в голове сквозь помехи античеловеческой дробы. Надо отвлечься и попытаться опять заснуть.

– Почти прибыли, – знакомый высокий голос заставил снова открыть глаза и посмотреть вниз.

Первой мыслью, прорвавшейся сквозь полудрему, было послать говорливого соседа куда подальше, но рядом сидел невысокий пришелец с голубой кожей, спут. А этого посылай не посылай, всё равно не уйдет. Спут, кажется, самое надоедливое создание во Вселенной, фиксировал всё, что делал брат Габриель по пути на Нью-Детройт. Это не просто входило в обязанности навязанного попутчика, но, судя по всему, было смыслом его жизни.

Габриель зевнул и с хрустом потянулся, подумав, что раз-

работчик этого кресла вряд ли слышал когда-то о комфорте. Спут пристально глядел на монитор, лихорадочно потирая руки, точнее, первую пару рук.

Статичная картинка на экране сделалась прыгающей. Треклятый водопад сменился расплывчатым изображением приближающегося космического дока. Сначала было видно лишь несколько ярких точек, издали похожих на звезды, но вскоре картина прояснилась. Проявились очертания быстро увеличивающегося в размерах металлического отверстия.

– Приготовься, – сообщил противным фальцетом спут, когда изображение дока заполнило весь экран. – Посадка будет жесткой.

Габриель молча покосился на попутчика. Тот, кажется, только этого и ждал.

– Знаю-знаю, – поспешно залопотал спут. – Ты скажешь: «Они говорили, что посадка будет мягкой». Да, говорили. Просто это неправда. Я вообще не понимаю, как можно обещать мягкую посадку тому, кто вынужден лететь Д-классом на планетарном грузовом судне типа «Рино». Между прочим, эту модель сняли с производства лет сто назад, если не больше. Представляешь, каково это? По всем межпланетным нормам эту таратайку должны были демонтировать лет двадцать тому назад, а она всё летает. Куда смотрят службы технического надзора!

Голову продолжала рвать боль. Но заткнуть инопланетянина, если тот начал говорить, было невозможно.

– Если хочешь знать, – продолжал стрекотать спут, – сто лет – это не оборот речи. Конкретно нашему летательному аппарату недавно исполнилось сто три года, а это приличный срок для корабля. Для любого корабля. Говорят, что сила трения в космическом пространстве минимальная и требуются сотни лет, чтобы стерлась обшивка, но всё равно... сто три года – это очень много времени, почти целая эпоха. Ты не согласен?

Брат Габриель искоса взглянул на собеседника. Не то чтобы он был в корне не согласен с инопланетным занудой, просто скрип под днищем становился всё громче, а головная боль – в разы сильнее.

– Вижу, у тебя болит голова, – словно прочитал его мысли Спут. – У меня тоже болит. Это естественная реакция. У всех здесь болит голова. Любой, кто летит на «Рино», а особенно те, кто делает это впервые, страдают жуткими мигренями.

Габриель прикрыл глаза, но легче не стало.

– Это недостаток дизайна, – не унимался говорливый попутчик. – Видишь ли, изначально зордиане спроектировали «Рино» как грузовой транспорт. Потом, когда начались Пограничные войны, они быстро перемонтировали транспортер в корабль для перевозки войск. К сожалению, основная работа инженеров заключалась в том, чтобы обеспечить личному составу безопасность. О комфорте ни у кого голова не болела.

При упоминании о головной боли брат Габриель поморщился. От внимания наблюдательного инопланетянина это не укрылось.

– Извини, – вставил тот и продолжил: – Поэтому конструкторы были вынуждены отказаться от некоторых важных деталей, таких как стабилизаторы кресел и поглотители шума. Именно отсутствие этих элементов конструкции и вызывает у пассажиров сильную головную боль. Ты, конечно, спросишь: «Зачем понадобилось использовать эти аппараты в мирное время для пассажирских перевозок?» Я отвечу...

Так как ответ на этот вопрос волновал священника сейчас меньше всего, он вяло взмахнул рукой, умоляя спута заткнуться. Маленький пришелец послушно смолк на полуслове и уставился на Габриеля, будто чего-то ждал. Тот, не открывая глаз, откинулся назад и положил голову на подголовник. Оттого, что спут прекратил свое энциклопедическое бормотание, тише в салоне не стало, но всё же полегчало и снова появилось желание уснуть.

Но не вышло.

В заднем отсеке что-то с грохотом упало. В салоне поднялась суета. Габриель подскочил, растеряв остатки дремотного состояния, попытался посмотреть, целы ли его вещи, но тряска усилилась. Пальцы сами собой стиснули подлокотники. Габриель хотел помянуть добрым словом звездолеты «Рино», но чуть не прикусил язык и благоразумно стиснул зубы.

Перед глазами всё прыгало, словно изображение было не реальным, а транслировалось на экран с сильными помехами. Потом тряска резко прекратилась, и по ушам ударило шипение, будто со всех сторон разом наступили на хвосты паре тысяч змей.

– Ха, я ж тебе говорил, что посадка будет жесткой, – заявил спут, как только всё стихло.

Габриель посмотрел на попутчика. Тот выглядел довольно бодро, если не считать врожденной синюшности. Создавалось впечатление, что о собственной головной боли пришелец помянул разве что для поддержания разговора.

Не утруждая себя ответом, брат Габриель посмотрел на монитор. Теперь там отобразился космический док, где было много людей, кораблей и, возможно, шума.

От одной мысли о шуме стало совсем неважно. Тяжко вздохнув, он расстегнул привязные ремни, вытащил из-под сиденья сумку и поднялся, готовясь к неминуемому выходу. Спут проделал то же самое. Габриель покосился на попутчика. В отличие от сумки священника, баул мелкого инопланетянина выглядел раза в три основательнее. По опыту Габриель знал, что весит этот «узелок с пожитками» тоже раза в три, если не в четыре, больше. Как тщедушному спуту удастся управляться с такой тяжестью, оставалось загадкой.

Спут с легкостью забросил баул за спину и замер, ожидая, когда Габриель зашагает к выходу. Но очередь впереди двигалась медленно.

Чтобы выйти из «Рино», потребовалось более двадцати минут. Но на этом мытарства не кончились. Пропускной станцией здесь служила большая, но одинокая будка, очередь к которой тянулась чуть ли не через весь док.

Перед будкой стояли всего два служащих: активный представитель таможни и хмурый офицер безопасности. Они проверяли документы и багаж, а также проводили биосканирование, как того требовали Правила Безопасности Федерации. Стояние в новой очереди обещало быть долгим.

– Ух ты, посмотри-ка! – опять услышал он голос спута. – Невероятно, просто невероятно! Эта база существует почти двести пятьдесят лет и всё еще действует!

В самом деле, было бы наивно предположить, что мелкий инопланетянин может так просто замолчать.

– Двести пятьдесят лет? – уныло отозвался Габриель. Новость оптимизма не прибавляла. Нью-Детройт находился довольно далеко от других населенных планет. И случись вдруг что...

– Да, – ворвался в мысли восторженный фальцет спута. – Ее построили в Эпоху Первой Экспансии.

– Хм... Нью-Детройт, – Габриель попробовал название на вкус. – Смешно звучит.

– А знаешь, почему это место так называется?

Понимая, что спут не ждет от него ответа, Габриель лишь пожал плечами.

– Я вот тоже не знал, – гордо заявил спут. – Готов спорить, что даже те, кто здесь работает, не знают. Оказывается, это место получило имя в честь древнего человеческого города. Был такой, назывался Детройт.

– Да? – спут явно ждал реакции на свое сенсационное изречение, и Габриель решил поощрить попутчика. Почему бы нет? Тому приятно, а ему это ничего не стоит.

– Да, – инопланетянин аж надулся, гордый своими познаниями. – Хочешь – верь, хочешь – нет. Был такой человеческий город Детройт, и находился он где-то в пределах Солнечной системы. Не знаю точно, где именно: на Марсе, Земле или Луне, но он славился производством различных машин.

– Каких машин?

– К сожалению, этого мне выяснить не удалось. Все учетные записи того времени, с которыми я имел дело, не имеют четких сведений по этому вопросу. Я лишь узнал, что там создавали какие-то машины. А так как здесь, на Нью-Детройте, тоже производят машинное оборудование для строительства жилых планетарных корпусов и основателями этого места были люди с Земли, то они называли его Нью-Детройт.

– Просто ошеломляюще, – язвительно пробормотал Габриель.

В отличие от вселенной, числового ряда и других штук, конечность которых спорна, очередь свой конец имела. Не прошло и часа, как брат Габриель дождался приглашения в

будку с биосканером.

Несмотря на краткость и внешнюю безболезненность процедуры, Габриеля всё равно раздражал красный мигающий свет и свистящий звук, сопутствующие процессу биосканирования. Было во всем этом что-то неестественное, холодное.

На выходе из будки раздраженный брат Габриель нос к носу столкнулся с офицером безопасности. Он попытался обогнуть блюстителя порядка, но тот явно имел виды на священника.

– Габриель Кшиштовски? – офицер взял под козырек.

– Да, – Габриель остановился. Чтобы к священнику его сана кто-то обратился по фамилии, должно было случиться что-то экстраординарное. В противном случае офицер безопасности просто никогда бы его фамилии не узнал.

– Пожалуйста, пройдемте со мной, – деловито пригласил офицер.

– Зачем?

В голове завертелись догадки.

– Пожалуйста, пройдемте, – уже как-то просительно повторил офицер.

– Если это касается моего оборудования, – ровным тоном продолжил Габриель, – то у меня есть разрешение.

Чтобы не быть голословным, он вытащил стальной жетон, показал его офицеру.

– Я священник, следователь Церкви Света. Меня попро-

силы сюда приехать.

Несчастный офицер сделался совсем потерянным.

– Сэр, я знаю, кто вы, – помявшись, пробормотал он.

– Ну если вы знаете, кто я, почему вы меня задерживаете?

– О нет, сэр, я не задерживаю, – торопливо принялся объ-

яснять офицер. – Просто для вас есть сообщение с Земли.

– Какое сообщение?

– Я не знаю, сэр. Прошу вас, пройдемте со мной.

Габриель оглянулся назад. Спут дернулся было за ним, но другой представитель власти остановил говорливого попутчика. Большая сумка маленького инопланетянина не могла не заинтересовать таможеню, кого бы этот инопланетянин ни сопровождал.

Улыбнувшись, брат Габриель кивнул и пошел за офицером.

Маленькая комната была буквально набита всяческим оборудованием. Со стен смотрели экраны мониторов, на столах стояли какие-то приборы, безумным многоцветьем мигали датчики и лампочки. Среди всего этого технического безобразия сидели три офицера и о чем-то тихо переговаривались. Все трое были людьми.

Увидев входящего священника Церкви Света, офицеры замолчали и уставились на него с нескрываемым интересом. Габриель тоже остановился в молчании. Немая сцена продолжалась, пока один из троих не сообразил, что это стано-

вится неприличным.

– Сюда, сэр, – поднялся молодой офицер и указал брату Габриелю на маленькую контрольную станцию в дальнем конце комнаты.

Экран казался мертвее мертвого, но стоило только священнику вступить на платформу, как монитор вспыхнул мерцающим изображением. Высветилась официальная печать Церкви, а ниже виднелся набор странных символов – зашифрованное послание. Простому смертному эти знаки могли показаться полной ахинеей.

Габриель скопировал символы на свой коммуникатор и отошел от монитора. Шифровка была простой, как полкредита: священника-следователя просили связаться со штаб-квартирой на Земле.

– Как отсюда можно связаться с Землей? – сухо спросил он молодого офицера.

– Сюда, сэр, – ответил тот. Он, видимо, соображал быстрее своих коллег. Габриель шагнул к странного вида ящику со множеством маленьких экранов и кнопок.

Кнопок было чересчур много. Габриель вопросительно взглянул на молодого.

– Просто подключите свой коммуникатор, – объяснил офицер и отошел в сторону.

Габриель последовал совету, и вскоре с одного из экранов раздался низкий жужжащий звук. Часть комнаты осветилась, а карманный компьютер Габриеля заморгал, словно

новогодняя гирлянда. Через мгновение на экранчике коммуникатора появилось изображение. Немолодое человеческое лицо с окладистой бородой показалось смутно знакомым.

– В чем дело? – спросил Габриель с легким раздражением.

– Брат Габриель, – голос бородатого звучал с помехами и легким металлическим оттенком. – У нас тут ситуация... в системе Сириуса...

Звук заикался, изображение то и дело пропадало.

– Что за ситуация? – спросил брат Габриель, не отрывая взора от монитора.

– Сейчас, – бородатый опустил глаза, явно переключив внимание на что-то, Габриелю не видимое. Секунд через тридцать экран замелькал переключающимися изображениями.

На первых пяти картинках в самых отвратительных подробностях были представлены изувеченные трупы. Люди на изображениях умерли явно не своей смертью. Сперва Габриелю показалось, что это одно и то же убийство, но вскоре стало ясно, что преступления разные. Любого невоцерковленного от этого зрелища вывернуло бы наизнанку.

Убийства имели ритуальный характер. С этим можно было спорить, если бы не символы и знаки на телах погибших. Эту символику Габриель видел слишком часто, чтобы усомниться.

– Вероятно, – продолжил голос за кадром, – мы имеем дело с одержимостью.

– Вижу, – хмуро отозвался Габриель. Он неожиданно поймал себя на том, что мигрень прошла, но головной боли от этого не убавилось. – Есть уверенность, что это не подделка? Может, какой-то маньяк, пытающийся замести следы, имитирует одержимость?

Бородатый не ответил. Вместо этого возникла новая серия изображений. На экране замелькали картинки с кирпичными стенами, металлическими покрытиями, деревянными перекрытиями. Поверхности были разными, объединяло их только одно – нанесенные знаки и надписи. Символика оказалась той же, что и на телах, – странной и довольно сложной.

Габриель молча смотрел на экран, впитывая каждую закорючку, внимательно изучая каждый штришок. Наконец сосредоточенное лицо его немного расслабилось.

– Призрак, – кивнул Габриель невидимому собеседнику.

– Похоже на то, – на экране снова появилась бородатая физиономия. – Всё это мы получили прошлой ночью с Палладоса. Местные власти просят содействия. Думаю, мы обязаны оказать им помощь. – Бородатый замаялся и добавил, опустив глаза: – Ты должен им помочь.

– Я не могу, – помотал головой Габриель. – Боюсь, я застрял здесь надолго.

– Где? На Нью-Детройте? Брось. Вернешься туда позже.

– Мы уже получили аванс, – напомнил Габриель.

Бородатый нахмурился, лицо его приобрело задумчивое выражение.

– Когда ты планируешь закончить? – спросил он наконец.

– Кто ж его знает? – Габриель передернул плечами. – Я только прилетел сюда и пока не владею ситуацией, а по оценке тех материалов, что мне предоставили на Земле, сказать сложно. Может, уйдет несколько часов, а может, и целая неделя.

– Очень жаль, брат Габриель, – собеседник задумчиво потербил бороду, отчего та сделалась похожей на метелку. – Но ты находишься ближе всех к месту происшествия.

– А федеральные власти? – предложил Габриель. – Они не справятся с этим до моего прибытия?

– У федеральных властей ответ всегда один: карантин и планетарная зачистка, поэтому нам нужно успеть провести расследование прежде, чем они направят туда войска, – в голосе бородача звучала досада.

Габриель нахмурился.

– Что еще известно по этому делу? – спросил задумчиво.

– На Паладосе значительное сообщество техномагов, – с готовностью отозвался собеседник с экрана.

– Как они объясняют ситуацию?

– Никак. Они отказываются что-либо комментировать.

– Что значит «отказываются»? – не понял Габриель. – Они обязаны предоставлять информацию по первому требованию.

– Мы это понимаем, – собеседник снова запустил пятерню в бороду. – Но они уперлись. Сообщили, что говорить будут

только со священником-следователем.

– И что, туда нельзя послать кого-то другого?

– Кого? Ни одного СС на месте нет.

– А брат Арис?

– Брат Арис и брат Бора всё еще не найдены после того скачка напряжения на Слите-9.

– Брат Зора?

– У него задание в системе Пегаса.

– Брат Лас? – не сдавался Габриель.

– Бета-28.

– Андрей?

– Альфа Прайм.

– Хлое? Луис Ла Верди? Должен же быть у вас там хоть кто-то!

– Да, у нас много администраторов и техников, – не удержался от ехидства бородатый. – Следователей нет.

– Что, вообще ни одного?

– Ну, есть еще один... брат, – протянул бородатый и замолчал.

Что-то в этом молчании не понравилось Габриелю.

– Кто? – поторопил он.

– Исаак, брат Габриель, – промычал бородач. – Это брат Исаак.

– Ты это серьезно? – опешил Габриель. – Нет, ну должен же быть кто-нибудь еще.

– Боюсь, что в данный момент есть только Исаак, – пока-

чал головой бородатый.

Габриель задумался. Ситуация, судя по всему, складывалась хуже некуда. Но если пустить туда брата Исаака...

– Как думаешь, – спросил он в монитор, – сколько у нас еще времени?

– Как я уже сказал, – с достоинством отозвался бородатый. – Ситуация малопонятная. Мы практически ничего не знаем. Техномаги если и знают, то молчат. Федералы ждут не дождутся начать военную операцию, чтоб им было очень хорошо!

– Хорошо, – решил Габриель, – посылайте Исаака. Но для начала позаботьтесь о том, чтобы техномаги сами хоть чуть-чуть пошевелились. Было бы неплохо, если бы они вообще провели большую часть расследования сами. Уж лучше они, чем Исаак.

– Уверен? – оживился бородатый.

– Да. Если это случай одержимости, нельзя допустить распространения заразы. Впрочем, не мне тебе объяснять. Поэтому посылайте Исаака.

– Может возникнуть еще одна проблема... Отправить Исаака немедленно не получится. Есть трудности.

– Неважно, – отмахнулся Габриель. – Лучше поздно, чем никогда. На карту поставлена наша репутация. Если мы откажемся от расследования, местные могут усомниться в наших возможностях. Слухи по галактике разносятся быстро, и ты прекрасно знаешь, к чему могут привести сомнения.

– Да, брат Габриель.

Габриель ухмыльнулся. Собеседник с Земли еще что-то сказал, но помехи были слишком сильными. Затем всё погасло. Священник посмотрел на офицера безопасности.

– Старое оборудование, сэр, – поспешно объяснил тот. – Иногда сигнал пропадает на несколько часов.

Габриель кивнул и задумчиво побрел к выходу. В дверях он чуть замешкался, словно вспомнил что-то, повернулся к хозяевам комнаты.

– Спасибо.

– Не за что, сэр, – козырнул молодой. – Всегда к вашим услугам.

Спут уже ждал его, сидя на чемоданах в прямом смысле этого слова.

– Всё в порядке? – пришелец выглядел озабоченным.

– Да, – коротко бросил Габриель, не останавливаясь. – Идем. Синюшный инопланетянин спрыгнул с баула и с невероятной скоростью забросил его за спину. Со стороны могло показаться, будто пришелец и его поклажа просто перекатились, поменявшись местами. Габриель подивился бы такой прыти, но был слишком погружен в собственные мысли. Спут засеменил следом за священником в конец новой очереди, что вела к выходу.

Глава 3

Шума и суеты здесь было больше, чем в доке. Отойдя в сторону, чтобы его не снесло потоком транспорта, Габриель снова вынул коммуникатор. Перед глазами возник план станции. Карантинная часть, которую он должен был обследовать, находилась двумя уровнями ниже.

Значит, сначала придется пройти немалое расстояние до лифтов, потом дождаться своей очереди, после спуститься на два пролета вниз, а затем по пешеходной дорожке добраться до контрольно-пропускного пункта. Он тяжело вздохнул, убрал коммуникатор и закинул сумку на плечо.

Потребовалось более часа, чтобы попасть в «карантинку». Движение было безумным. Толкотня на транспорте доводила до иступления. И если бы на месте брата Габриеля оказался иной, менее выдержанный брат, то наверняка уже опустился бы до сквернословия. Габриель себе такого грешка не позволял. Во всяком случае, вслух. А спут и теперь, казалось, был всем доволен.

Габриель повернулся к попутчику и улыбнулся. Синюшный инопланетчик выглядел под своим баулом забавно. Переваливался с конечности на конечность, как гусь. Брат Габриель так засмотрелся на спутника, что чуть не налетел на дверь. Впрочем, дверью это назвать было трудно. Массивная, покрытая металлом стена десятиметровой ширины

преграждала проход. По всей видимости, дверь соорудили недавно. Поперек этой махины белой краской были выведены две надписи. Первая гласила: «Стоп!», вторая – «Карантин».

– Не очень хорошо, – пробормотал Габриель.

За металлической воротинной он отметил троих вооруженных мужчин в темно-синей униформе: двое дарзини, один человек. Они стояли возле двери, ведущей в соседнее здание. Габриель еще раз сверился с картой и направился к охранникам.

Один из дарзини оторвался от группы и преградил проход.

– Стой, человек! – голос его прозвучал зловеще-шипяще.

Дарзини, огромные рептилии, не пользовались универсальными переводчиками, сами легко осваивали человеческую речь, но от свистяще-шипящего акцента избавиться не могли, как ни старались.

– Никому нельзя входить. Карантин, – охранник указал на надпись.

Габриель приближался, не собираясь останавливаться или разворачиваться.

– Эй, нет входа! – засвистел солдат, посчитав, видимо, что священник не услышал его в первый раз.

– Да, – добавил второй дарзини. – Поворачивай и уходи отсюда, человек.

Чтобы придать вес словам, охранник взял оружие наизго-

товку. Двое других последовали его примеру.

Габриель приблизился еще на пару шагов, поставил на землю сумку и расстегнул пальто. На черном пиджаке поблескивал стальной жетон. Надо было быть слепым, чтобы с такого расстояния не разглядеть символику, и слабоумным, чтобы не понять значения трех окруженных пламенем звезд и надписи: «Голас Вра Дроми».

Судя по выражению лиц, охрана слабым зрением и скудным умом не отличалась. Они опустили оружие, отступили назад и постучали в небольшую дверь. Ровная поверхность дала трещину. На высоте пары метров появился динамик.

– В чем дело? – спросил грубый голос.

– Он здесь, – коротко ответил охранник.

– Кто? – не понял тот.

– Священник, – прошипел страж.

Возникла пауза. Габриель повернулся в сторону двери и поднял голову, посмотрев туда, где, по его прикидкам, должна была находиться древняя, как всё здесь, камера наружного наблюдения. Тотчас же щелкнули замки, и дверь открылась. Навстречу Габриелю вышел другой человек, судя по нашивкам, рангом на порядок постарше.

– Вы рано, – сказал человек.

– Поверьте, это не нарочно, – улыбнулся Габриель и мельком глянул на спута, что по-прежнему маячил за спиной синюшной тенью. – Просто кое-кто настоял, чтобы мы отправились рейсом через систему Орио.

– Зачем? – не понял мужчина.

– Вроде бы есть комета, которая пролетает в этой части вселенной каждую тысячу лет, – непонятно объяснил Габриель.

– Комета?

– Да, – вмешался спут. – Ха-Джо-Ван Рэй, огромная малоизвестная комета. Считается, что она приносит удачу всем, кто ее увидит. Мы просто обязаны были увидеть ее. Ведь нельзя же упустить такую возможность, согласитесь.

– А вы кто? – начальник стал еще серьезнее.

– О, прошу прощения, – затрещал спут. – Где мои манеры? Я – 100 градусов по Цельсию.

– 100 градусов чего? – на непроницаемом лице мелькнула тень удивления.

– 100 градусов по Цельсию, – повторил Габриель. – Его так зовут.

– Странное имя...

– Имя спута, отправленного на задание к людям, – пояснил спут.

Мужчина перевел взгляд, полный немого вопроса, на Габриеля, но священник лишь пожал плечами.

– Видите ли, наши родные имена крайне сложны, и мало кому из не-спутов удастся их произнести и, тем более, написать, поэтому для упрощения нашего общения с другими расами на время выполнения задания мы берем себе новые имена в зависимости от миссии и типа информации, кото-

рую собираем. Понимаете?

– Допустим, – кивнул начальник. – Но почему 100 градусов по Цельсию?

– Потому что для людей это имеет большое значение, – уверенно заявил спут. – Ни один человек не сможет забыть такое имя.

– Но почему 100 градусов? – начальник охраны растерял последние остатки своей непроницаемости.

– Послушайте, сделайте одолжение, – вмешался Габриель. – Позвольте ему пройти. Поверьте мне, это невозможно понять.

Офицер со смешанным чувством посмотрел на спута. Тот стоял, готовый в любую минуту рассказать всё: от собственной родословной до истории покорения космоса. Офицер хмыкнул и кивнул Габриелю:

– Пожалуйста.

Дверь снова распахнулась, и офицер отступил в сторону, приглашая священника внутрь. Габриель принял приглашение, офицер последовал за ним.

За дверью оказался длинный коридор с поблескивающими металлом стенами. Звукоизоляции, видимо, не было, шаги отдавались гулким эхом.

– Как вы думаете, сколько понадобится времени, чтобы разрешить сложившуюся ситуацию? – тихо спросил офицер.

– Не знаю, – Габриель пожал плечами. – День или два. Может, неделя.

– Так долго?

– Сначала я должен оценить ситуацию, только потом смогу сказать точно.

Офицер тяжело вздохнул, заговорил тихо и быстро:

– Всё началось два с половиной месяца назад. Кто-то открыл тюремные камеры и выпустил заключенных. Там находилась не только мелкая шантрапа, но и весьма серьезные субъекты. Прежде чем мы успели отреагировать, весь Голубой уровень и три четверти Зеленого были заполнены этими прохвостами. Удержать их не удалось, скрыть побег такого масштаба в наших условиях нереально. Как говорится, шила в мешке не утаишь. Потом начались беспорядки, мародерство, мятежи... К тому моменту, когда подошло подкрепление, мы уже потеряли целую секцию. Поэтому пришлось наложить карантин на эту часть станции. У начальства просто не было другого выхода. В целях защиты мы установили у каждого выхода стены и заперли всех внутри.

– А как же гражданское население?

– И их тоже, – кивнул офицер. – Лес рубят, щепки летят. Габриель остановился, смерил офицера взглядом.

– Мы не могли рисковать, позволив преступникам войти в основные секции, – попробовал оправдаться тот.

– Сколько народу вы здесь заперли?

Любитель народных мудростей раздражал. Щепки у него, понимаешь, летят. Про щепки любят рассуждать те, кто уверен, что сам никогда не станет такой щепкой.

– К счастью, здесь у нас мало жилых помещений. По приблизительным подсчетам, это три-четыре тысячи человек.

– Пока это выглядит как обычный побег из тюрьмы, – отозвался Габриель. – Почему вы решили привлечь Церковь?

– Дело в том, что мы начали расследование и... – офицер замялся. – Мы нашли того, кто открыл все двери и отключил сигнализацию.

Габриель снова повернулся к офицеру.

– Наш начальник охраны, – потупился тот.

– Зачем? – бесстрастно спросил священник.

– Кто знает? Говорят, он совершенно спятил, стал абсолютно другим человеком. Убил собственного брата...

– В самом деле? – приподнял бровь Габриель.

– По крайней мере, мы слышали об этом, – офицер отвел взгляд.

– Где он сейчас?

– Внутри, – кивком указал на закрытый отсек офицер.

– Я по-прежнему не уверен, что это наше дело.

Коридор уперся в развилку. Габриель остановился и покопился на офицера. Тот выступил вперед, приглашающе указал на левое ответвление. Габриель снова зашагал, прислушиваясь к гулкому эху.

– Вообще-то есть кое-что, что мы не включили в наш доклад, – замялся офицер.

– Почему? – сухо осведомился священник.

– Чтобы избежать паники среди населения, – совсем тихо

проговорил офицер и умолк.

– Рассказывайте, рассказывайте, – подбодрил его Габриель.

– Когда мы закрыли отсек, начальник охраны стал охотиться на людей и убивать... всех без разбору: и гражданских, и преступников – всех.

– Но именно людей?

– Но именно людей, – словно попугай, повторил офицер и остановился у неприметной двери в металлической стене.

Габриель посмотрел на охранника, тот распахнул створку, и священник переступил порог.

Помещение оказалось квадратным и довольно объемным. В глаза бросились столы, стулья и мониторы. Мест пятьдесят. И все они пустовали, за исключением одного.

– И потом вот это... – прокомментировал офицер.

В дальнем углу сидел худощавый молодой охранник и внимательно всматривался сразу в два монитора, расположенных перед ним.

– Бюджет урезают, – пояснил офицер, заметив, как священник разглядывает комнату.

– И что, урезанный бюджет должен заинтересовать Церковь?

– Не в этом дело. Это был... то есть всё еще есть... короче, это контрольный пункт для Зоны 51. Было время, когда здесь находилось до двухсот офицеров, но в связи с карантином администрация больше не могла платить им всем, поэтому

штат сократили, и сейчас нас здесь всего двадцать человек. Из них трое в лазарете, а двое исчезли неделю назад.

– Куда исчезли? – спросил Габриель. Судьба местных охранников, как и стоявшего перед ним офицера, мало заботила священника-следователя, но должность обязывала быть вежливым и понимающим. – Вы пробовали их искать?

– Нет, – покачал головой офицер. – Это бессмысленно. Если бы они были мертвы, мы бы уже нашли тела. Поэтому мы решили, что они просто сели в первый попавшийся транспортный корабль и сбежали. Честно говоря, если бы не семья, я поступил бы так же. Не поймите меня неправильно, сэр, но нам не платят уже четыре месяца.

Габриель кивнул и подошел к молодому охраннику. «Со-всем еще зеленый», – мелькнуло в голове. Юноша тотчас подскочил. Рука метнулась к непокрытой голове, затормозила на полпути. Парень стушевался, поспешно подхватил со стола фуражку, нахлобучил и отдал-таки честь.

Священник кивнул, разрешая сесть, встал за плечом юнца и склонился, глядя на экраны. На двух мониторах были видны с полсотни видеопревьюшек с изображением различных помещений. Вероятно, секции Зоны 51.

Офицер подал солдату знак, тот коснулся нескольких клавиш на панели. Один из мониторов мигнул. Изображение сменилось на полноэкранное. В правом верхнем углу замельтешил цифрами таймер.

На экране убийца склонился над телом молодой женщи-

ны.

– Это запись, – пояснил офицер.

Габриель поморщился. Убийства он видел и раньше, и не только на экране, но привыкнуть к расчлененке не мог.

Убийцей оказался старший офицер охраны, вне всяких сомнений, Габриель видел его физиономию в личном деле. Женщина, судя по количеству крови, была уже мертва. Из живого человека столько не вытечет. Плюс разорванная в ключья правая нога.

Какое-то время убийца стоял над трупом, не двигаясь, затем начал бормотать что-то. Понять, что именно он говорит, было невозможно. Камера давала только картинку, звук не писала. И Габриель в который раз обругал про себя старье, которое здесь понатыкали вместо оборудования.

Тем временем убийца оборвал бормотание и приступил к ритуалу. Габриель снова поморщился: зрелище не для слабонервных. Мельком глянул на охрану. Молодой побледнел и отвернулся. Офицер благоразумно встал так, чтобы не видеть экрана. Похоже, уже смотрел этот ролик.

Габриель уткнулся в монитор. Через пару минут стало окончательно ясно, насколько паршиво обстояли дела в Зоне 51. Этот ритуал он знал наизусть. Видел его много раз, понимал, что именно он означает и кто его исполняет.

– Призрак, – тихо констатировал Габриель.

Офицер цепко уставился на священника. Молодой тоже перевел взгляд на Габриеля.

– Что?

– Призрак, – уже громче повторил священник.

– Вы... уверены?

Священник бросил на офицера красноречивый взгляд.

– Это плохо... очень, очень плохо, – нервно заговорил тот.

– Да, хорошего мало, – согласился Габриель, распрямляя спину. Хрустнуло, и он только сейчас понял, что отсмотрел ритуал до конца и времени прошло изрядное количество.

– Что нам теперь делать? – офицер смотрел на него, как на всю федеральную службу спасения в одном лице.

– Советую держаться подальше от Зоны 51, – отозвался священник, массируя затекшую шею.

Затем перевел взгляд на соседний экран.

– А где люди?

– Их больше нет, сэр. Никого нет.

– Вы уверены?

– На все сто, – кивнул офицер.

– Лес рубят, щепки летят, – мрачно усмехнулся Габриель. – Ладно, покончим с этим.

Он глубоко вдохнул, резко выдохнул и направился к маленькому люку на другом конце комнаты.

– Господин священник!.. – офицер побежал за ним.

– Да, капитан?

– А этот... – охранник указал на спута, который робко стоял в углу, фиксируя что-то в своем крохотном коммуникаторе.

– Если он по-прежнему хочет идти, пусть идет, – пожал плечами Габриель.

– Это в самом деле нормально? Я имею в виду, что он ведь не из вашей службы. . .

– Да, но вы ведь знаете спутов – согласно галактической конвенции 56/3749, часть А, они могут идти туда же, куда и мы.

Офицер кивнул. От того грубого, резкого, непроницаемого мужика, который встретил Габриеля у ворот, не осталось и следа. Сейчас перед священником стоял человек уставший и растерянный, который смотрел на него как на последнюю надежду. Габриель подмигнул офицеру, еще раз вздохнул и устоялся на люк.

– Когда войдете внутрь, дождитесь зеленого света. Откроются наружные ворота, и можно будет идти, – пояснил охранник и козырнул: – Удачи, сэр.

– Удача здесь ни при чем. Знания и тренировки, – ответил Габриель, думая уже о другом. Перехватил удивленный взгляд офицера и спохватился: – Ах да, и, конечно, вера.

Створки люка распахнулись, открывая проход. Габриель пригнул голову и ступил вперед. Спут, который еще минуту назад стоял в углу, занимаясь своими делами, невероятным образом оказался рядом с ним. Его странная синяя физиономия ничего не выражала. Интересно, подумалось Габриелю, как он ухитряется жить на одних положительных эмоциях, а то и без эмоций вовсе?

Красноватый свет залил промежуточную камеру, притух, снова вспыхнул. Габриель прикрыл глаза. От дико орущей сирены захотелось заткнуть еще и уши, но священник сдержал порыв. Люк за спиной захлопнулся. Свет погас. Габриель открыл глаза. Небольшое помещение промежуточной камеры ничем не выделялось. Голые глухие стены, два плотно задраенных люка и панель с двумя крупными кнопками.

Габриель сделал шаг к панели. Кнопка была гладкой и приятной на ощупь. Пришла мысль, что за такой ласкающей гладкостью скрывается масса грубых и жестоких сюрпризов, сродни тому, что демонстрировал в записи офицер.

В первый момент показалось, что ничего не произошло. Габриель собрался было втопить клавишу вторично, но в этот момент с легким жужжанием открылся второй люк. За ним расположился прямой короткий коридорчик. Священник двигался быстро и осторожно. Коридор уперся в новую дверь.

– Здесь когда-то был пропускной пункт в Зону 45, – раздался сзади голос спута.

Габриель повернулся к напарнику:

– Будь другом, не сейчас, ладно?

Спут послушно замолчал, скромно потупив глазки. Священник толкнул створку.

За дверью оказалась довольно просторная комната. Пустая. Кроме поломанной мебели и разбитого оборудования,

здесь ничего не осталось. В дальнем конце темнел еще один проем. Сама дверь, вывороченная неведомой силой, валялась рядом. Над проемом болтался глазок камеры. Габриель приветливо помахал рукой в объектив. В том, что за ним следят оставшиеся у монитора офицер и его подопечный, он не сомневался.

В главном туннеле, что располагался за выломанной дверью, всё выглядело как прежде. За одним маленьким исключением: обычно здесь толкались толпы народу, сейчас же во круг не было ни души. Габриель остановился, прислушался на мгновение. Тишина, если не считать шарканья идущего следом спута, стояла гробовая. Это настораживало.

Он откинул плащ и вытащил небольшое устройство. Палец привычно надавил крохотный рычажок. Монитор прибора стал чуть светлее. Габриель выставил аппарат вперед на вытянутой руке. Продолжая следить за монитором, повел рукой слева направо. В углу монитора появилась красная точка. Некоторое время она оставалась неподвижной, мигая, затем слегка переместилась в сторону. Габриель вернул прибор в исходное положение, и точка послушно вернулась на прежнее место.

Священник хотел было выключить прибор, но рядом с первой вдруг вспыхнула вторая точка. Еще через секунду возникла третья, четвертая.

– Решать, конечно, тебе, – повернулся Габриель к попутчику, – но я бы советовал переместиться поближе к тем ящи-

кам.

Не вдаваясь в объяснения, он отошел к груде металлических ящиков, сваленных в нескольких метрах от них. Пришелец последовал за ним.

Ящики закрывали обзор, зато надежно скрывали их от посторонних глаз. А ближайшие окрестности Габриель видел и так. Правда, для этого приходилось неотрывно следить за монитором. Точки на экране прибора двигались всё более активно и уверенно.

Пока священник следил за передвижением предполагаемого противника, спут вытащил один за другим три маленьких стальных шара. Подержал какое-то время в конечности и отпустил. Шары стремительно ринулись вверх, но постепенно снизили скорость, зависли в воздухе.

Габриель мельком глянул на шарики. С помощью этих маленьких устройств пришелец мог видеть и фиксировать всё, что происходило вокруг. При этом, если бы дело приняло опасный оборот, всегда можно было смыться, бросив устройства, и вернуться за сохраненной информацией позднее. В том, что инопланетянин в случае опасности удерет, священник не сомневался, как и в том, что потом вернется за записанной информацией: ее спуты ценили превыше всего. Габриеля давно интересовало, зачем им фиксировать, казалось бы, совершенно бесполезные вещи, но ответа не было. Можно, конечно, пристать с расспросами к 100 ГЦ, но от партнера в таких вещах толку мало. Нет, он, разумеется, попыта-

ется объяснить, только понятно будет не больше, чем в сказках о том, почему он назвал себя 100 градусов по Цельсию.

Шары тем временем снова двинулись к потолку, неторопливо поплыли вперед, скрывшись где-то за краем нагромождения ящиков. Габриель скосил глаза на монитор и вскинул правую руку. Из-под одежды с тихим шорохом показалось дуло плазменного ружья. Оружие удобно легло в ладонь.

И вновь всё стихло. Габриель не двигался. Спут тоже замер, видимо, решил не мешаться. Красные точки на мониторе приближались. Вскоре стали слышны тихие шаги. Судя по звуку, от Габриеля их отделяло всего несколько десятков метров. Расположение точек на экране подтверждало это. Священник посмотрел на спута, словно ему вдруг понадобилась поддержка пришельца. Тот кивнул.

Не отрывая глаз от монитора, Габриель прикинул нужный угол, выставил руку с ружьем из-за ящика и нажал на спуск. За первым выстрелом тут же последовал второй. Два мощных сгустка плазмы полетели через помещение. Мгновение спустя неподалеку кто-то зашипел, и одна из точек на мониторе стала зеленой.

Габриель улыбнулся и выстрелил еще раз. Вторая точка перестала мигать и окрасилась в цвет молодой травы. Красных теперь оставалось две. Причем находились они далеко.

Священник опустил ружье, выдохнул и повернулся к спуту. Тот уже выбрался из укрытия и остервенело стряхивал с

себя пыль нижними конечностями. Казалось, предложи сейчас инопланетянину возможность помыться, он с радостью отдаст за нее не только родную мать, но и всю собранную информацию.

– Может, пойти посмотреть, что там? – предложил священник.

– Сейчас, – кивнул спут. – Я такой же грязный, как и ты?

– Хуже, – пошутил Габриель и тут же пожалел об этом, потому как синюшный пришелец принялся отряхиваться с еще большей яростью. Пришлось ждать, когда он закончит: бросать попутчика здесь без присмотра не хотелось, да и самому как-то спокойнее вдвоем, чем в гордом одиночестве.

Главный туннель скоро закончился, и спутники вышли на улицу. Точки на мониторе затаились. Хищно оскалившись, священник вскинул ружье и неторопливо двинулся вперед. За несколько шагов до поворота он жестом притормозил спут, резко выступил вперед и, практически не целясь, сделал несколько выстрелов. Мгновение спустя на мониторе остались только зеленые точки.

Далеко впереди в воздухе зависли три маленьких шарика. С такого расстояния они были едва различимы. Прямо под ними лежали темными неряшливыми кучами два тела.

– Должен признать, что идея синхронизировать наше оборудование была неплохой, – обмолвился Габриель, подходя к неподвижным фигурам.

Непривычно тихий спут лишь кивнул, соглашаясь.

– Не расскажешь, где ты этому научился? – поинтересовался священник.

– Экспедиция Валана, двадцать лет назад, – отозвался 100 градусов.

От удивления Габриель даже остановился.

– Ты работал с братом Валаном?

Он был еще новичком, когда впервые услышал о брате Валане и его отважной экспедиции в неисследованный сектор космического пространства. Тогда это казалось чем-то романтическим, манило. Теперь Габриель мог констатировать, что его работа столь же рутинна, как и любая другая. Но Валан, несмотря ни на что, оставался настоящим героем, а истории о его экспедициях запомнились навсегда. Не из-за романтики, просто это был блистательный пример бесстрашия, чести и профессионализма. Профессионализма, перед которым не грех снять шляпу. И вот теперь выясняется, что рядом с ним находится существо, которое было ТАМ, живой свидетель подвигов Валана!

Священник хмыкнул. Спут, однако, понял это по-своему:

– Да, это было очень продуктивно, – пояснил он.

– Действительно... – снова кхекнул Габриель.

Поверженные, как он и предполагал, оказались инопланетными преступниками – из тех, что сбежали из тюрьмы. Их легко можно было узнать по вживленным в конечности и тело биркам, которыми клеймили всех заключенных не толь-

ко на Нью-Детройте, но и в значительной части галактики. Эти двое были зордианами. Чешуйчатые четвероногие создания с большими клыками и несколькими рядами зубов. По внешности на сапиенс они не тянули. Скорее, походили на аллигаторов. Впрочем, крокодилов Габриель видел лишь один раз в жизни, поэтому мог и ошибиться.

Пришельцы лежали неподвижно, но было видно, что еще дышат. Хорошо, пришло ему в голову, а он-то боялся, что использовал слишком много энергии.

Священник опустил на колени и провел ладонью по каждому из тел в поисках каких-либо признаков проникновения.

Ощущение от прикосновения было немного неприятным, однако у обезвреженных зордиан никаких следов проникновения не обнаружилось. Если бы в их телах находился кто-то чуждый, священник бы это почувствовал. Что ж, уже неплохо.

Габриель поднялся с колен, открыл маленькую сумку, притороченную к поясу, и вынул шприц.

– Что ты делаешь? – заинтересовался спут.

– Хочу ввести им успокоительное. Пусть отдохнут какое-то время. Не убивать же их. А оставлять за спиной недобитого врага – ошибка.

– И ты уверен, что этого будет достаточно? – усомнился инопланетянин, глядя, как игла входит в тело первого зордианина. – А что если они проснутся?

– Не волнуйся, – бодро отозвался священник, нажимая на поршень второго шприца. – Они не проснутся до тех пор, пока я не разрешу.

– Ага, – возбудился 100 ГЦ. – Так это то самое «успокоительное» Церкви? Сочетание нанотехнологий и биокомпонентов? А я-то думал – это сказки, которыми Церковь Света себе цену набивает.

Габриель на секунду задумался, ответить на это пришельцу или нет. Поколебавшись, но так ничего и не решив, он неопределенно пожал плечами.

– А можно узнать формулу? – пуще прежнего оживился спут. – Или получить образец?

От такой наглости священник потерял дар речи. Он собрался уже было ответить, но не успел. Ладонь, в которой сжимал сканер, кольнуло – это проснулся чуткий прибор. На мониторе мигнула новая красная точка.

На этот раз гость был уверенным в себе, двигался быстро и явно в их направлении. Габриель вскинул ружье и, сам того не сознавая, улыбнулся.

– Похоже, у нас еще гости.

– Может, это призрак?

– Не думаю, к счастью для нас, призрак здесь, судя по всему, один, и сидит он в бывшем начальнике охраны.

Глава 4

Изображения, сменявшие друг друга на экране, могли быть иллюстрацией чего угодно, только не добродетели, ко- ей отличались священники Церкви Света. Молодой офи- цер разглядывал картинки со смесью любопытства, азарта и удивления.

– Это точно ваш человек? – спросил он наконец.

– Да, это он, – вздохнул брат Джон, ведущий священ- ник-администратор на Земле.

Офицер усмехнулся. Экран моргнул, кадр сменился.

– Он?

– Он. – Джон хмуро ткнул пальцем в изображение малень- кой одиночной камеры. Там, растянувшись на узкой плоской койке, лежал худой рыжий мужчина. Из одежды на нем были одни только шорты, минимум на два размера меньше, чем требовалось, и почему-то розового цвета.

Мужчина не был юным, на вид лет тридцати с небольшим. Загадкой оставалось, как тридцатилетний мужик в здравом уме и твердой памяти может оказаться в одиночке с недель- ной щетиной на припухшей физиономии и в дамских шор- тах веселенькой расцветки. Заключение мнение окружаю- щих, кажется, заботило не слишком. Он лежал на спине и спал тем сном, которым, если верить поговоркам, спят мла- денцы и праведники. Впрочем, хоть камера и не фиксирова-

ла звук, храпака рыжий, судя по всему, давал совсем не младенческого.

– Он точно член Церкви? – усомнился офицер, пальцы его забегали по клавиатуре. – Вот уж никогда бы не подумал, что ваш брат священник окажется в нашей тюрьме...

– Поверьте мне, – брат Джон нависал рядом мрачнее самой черной тучи. – Это совсем не то, чем мы хотели бы гордиться.

Офицер снова едва заметно улыбнулся:

– Хорошо, давайте посмотрим.

Изображение на экране сменилось текстом.

– Господин Исаак Лимор Фрэнсис Браун, задержан в два часа ночи вблизи озера Парано, в трех километрах к северу от деловой части города, – офицер сделал паузу и вздохнул.

– Ну, продолжайте, – брат Джон зло скрежетнул зубами. – В чем его обвиняют?

– Э, на самом деле, это... – офицер издал странный хрюкающий звук: то ли рвавшийся наружу смех сдержал, то ли чихнуть хотел – со спины не разберешь. – Пилотирование летательного аппарата в нетрезвом состоянии, господин священник-администратор.

– Что? – Джон подался вперед.

Офицер снова захрюкал, причем нервно и часто, из-за чего у священника отпали последние сомнения. От злости потемнело в глазах. Вот ведь! Смешно ему.

– Пилотирование летательного аппарата? – пробормотал

Джон. – Это еще что такое? Дайте посмотреть. – Он наклонился, отстранив молодого насмешника от монитора, и принялся сам читать текст. – Где он взял этот аппарат? – сквозь зубы процедил священник, ни к кому не обращаясь, но офицер принял вопрос на свой счет.

– Не могу знать, сэр. Но когда его задержал один из наших патрулей, он был явно пьян и... – офицер снова замялся.

– Что еще?

– Хотите посмотреть видеозапись? – предложил офицер.

Священник кивнул, пальцы молодого весельчака застучали по клавишам. Через мгновение экран потемнел и появилось изображение. Был пятничный вечер, и в ресторане, где стояла камера, царило оживление. Люди болтали, смеялись, пили. Среди них, спотыкаясь, ходил человек, тот самый, что теперь лежал в розовых шортах в камере номер 32. Мужчина был одет в черный костюм, какие носили лишь члены Церкви Света, и был при этом в стельку пьян.

– Исаак... – прошипел священник, когда увидел, как молодой человек направился в сторону двух молоденьких девушек. То, что происходило дальше, священник-администратор постыдился бы описать словами даже на исповеди.

Зато теперь стало ясно, как на его пьяном собрате оказались розовые дамские шортики.

Брат Джон молча смотрел на экран, и на его лице ужас сменялся злостью, злость – стыдом, а стыд – новым приступом непонимания, ужаса и праведного гнева. Офицер сто-

ял рядом и откровенно забавлялся. Когда зафиксированные несколькими камерами безобразия закончились, священнику-администратору показалось, что у него прибавилось седых волос. И немало.

– Можно удалить эту запись из вашей базы данных? – мрачно спросил он. – Это компрометирует Церковь, и мы не хотели бы огласки.

Офицер, к радости Джона, кивнул, но сразу оговорился:

– Мне понадобится разрешение от капитана.

– Хорошо, вы получите его через час, а до тех пор постарайтесь не показывать это никому.

Брат Джон повернулся и пошел к выходу, спиной чувствуя издевательский взгляд тюремщика. Нет, он не осуждал насмешника – на его месте Джон тоже, наверное, посмеялся бы. Отчего не посмеяться над федералами? Но в неприятную ситуацию попал не смешливый офицер, а брат Исаак из Церкви Света. И это чертов брат Исаак лежал сейчас на чертовой тюремной койке в чертовой одиночной камере в треклятых розовых шортах. И всё же... священник огляделся и, убедившись, что его никто не видит, тихонько улыбнулся.

Впрочем, слабость была минутной, уже через мгновение на лицо вернулось отрешенно-философское выражение, каковое и подобает носить служителю Церкви. Брат Джон остановился возле двери кабинета капитана и легко, но вместе с тем настойчиво постучал, требуя разрешения войти.

Пробуждение оказалось не из приятных. Голова разламывалась. Во рту была такая сухость, словно он неделю провел в пустыне без еды и воды, а привкус напомнил о старых носках, которые он всегда держал в нижней части шкафа. Тепло ломило, каждое движение странно отдавалось внутри, да так, что нутро торопливо собиралось наружу.

Исаак судорожно сглотнул. Хорошо хоть память не отказала. Нет, подробности прошлого вечера расплывались, словно в тумане, но, по крайней мере, он не забыл, как его зовут и где он находится. А это уже неплохо.

Сейчас бы чего-нибудь съесть, а еще лучше выпить. Не зря же древние говорили, что подобное лечат подобным. Как учил личный опыт, в таком состоянии смотреть на еду, а тем более на выпивку, без рвотных позывов трудно.

Но трудно только в первый момент. Стоит впихнуть в себя что-то горячее, а лучше горячительное, как становится легче.

Дверь плавно распахнулась, и в камеру въехал автоматический уборщик. Его жужжание окончательно вывело Исаака из дремотного состояния. Он открыл глаза и с невероятным усилием сел на койке. В программу машины-уборщика, видимо, входили и другие функции. Перед дверью появилась тележка, а на ней стояли два подноса: один с яичницей, другой с беконом и тостами. Ниже обосновались в два рядочка десяток кружек с водой.

Вид пищи заставил Исаака почувствовать голод, и он по-

двинул тележку поближе. Взял кружку и жадно осушил в один глоток.

– Кто-то там наверху неплохо ко мне относится, – сообщил Исаак машине-уборщику и приступил к трапезе.

Горячая еда и впрямь возвращала к жизни. По мере насыщения аппетит не угасал, а наоборот, раззадоривался. И рыжий священник решил подарить желудку маленький праздник в виде обильного завтрака.

Снаружи поднялся шум. Исаак глянул через решетчатую дверь на соседа из камеры напротив. Здоровенный татуированный мужик кидался на решетку и орал что-то явно недоброе. Исаак решил не прислушиваться и не обращать внимания на шум, а посвятить себя завтраку. Настроение поднималось. В самом деле, не орать же и не кидаться на решетку только оттого, что ты в тюрьме. В конце концов, тюрьма – не такое плохое место. Кормят прекрасно. Тишина, покой, масса времени и аскетическая обстановка – всё, что нужно, чтобы посвятить себя размышлениям, философским изысканиям и сближению с верой.

Исаак расслабился и решил попробовать себя в этих самых философских изысканиях. Но мысли отчего-то в голову лезли совсем не умные и большей частью сводились к событиям прошлой ночи. Каждый раз, когда на память приходило что-то постыдное, он корчил гримасы и качал головой.

Причина безобразий и злключения крылась в том парне из бара. И о чем он только думал, когда решил соревноваться

с ним в выпивке? А бармен тоже хорош. Нет, чтоб вытурить обоих из заведения, так он только и рад подливать. Исаак в очередной раз покачал головой, но тут же спохватился – в висках и затылке всё еще ныло.

Уборщик закончил свое нехитрое дело и двинулся к выходу, подцепив тележку. Исаак поспешно слямзил с нее остатки тостов. Автоматический уборщик выкатился в коридор, дверь за ним закрылась. Машина прошуршала к следующей камере, лязгнула соседняя дверь. Через мгновение из-за стены послышались нецензурные вопли. Исаак прислушался.

– Какая гнида? – доносилось снаружи.

– Тридцать вторая одиночка, – зло отозвался знакомый голос соседа напротив.

Сочетание «Тридцать вторая одиночка» показалось ему смутно знакомым. Исаак подошел к двери и выглянул сквозь прутья наружу. Этого оказалось достаточно, чтобы сосед напротив снова кинулся на решетку:

– Ты, дятел! Я тебя убью, понял? Сегодня же на прогулке. Это будет последнее, что ты сожрал в своей поганой жизни!

– Вы мне? – не понял Исаак. – А в чем дело?

– Это общая жратва! – бился о дверь тот, что напротив.

Исаак поперхнулся. Гост почему-то встал поперек горла неприятным, корябающим комом. Он припомнил тележку с десятком кружек, глянул в коридор на ряд дверей, тоже около десятка. Похоже, его камера была первой.

– Это тот, розовый фламинго? – донеслось из-за стены. –

Не убивай этого мальчика, мы из него девочку сделаем...

Исаак с трудом сглотнул. Слушать дальше не хотелось. Он вернулся на койку и погрузился в раздумья. Мысль теперь была одна и опять совсем не философская: как избежать утренней прогулки?

Впрочем, думать пришлось недолго. «Кто-то наверху», видимо, и впрямь относился к Исааку с симпатией. Не прошло и получаса, как дверь снова распахнулась. На этот раз в камеру вошел самый обычный живой офицер.

– Свободен, – сказал офицер и добавил с улыбкой: – С вещами на выход.

Эту новость он принял как благословение господне, а принеший ее офицер стал едва ли не архангелом. Потому на подначку тюремщика Исаак даже не отреагировал. Да и кто обращает внимание на подначки, ощущая абсолютное счастье?

Чувство безграничного счастья поубавилось и приобрело вполне осязаемые границы, когда офицер, этот святой человек, из тюремного корпуса проводил Исаака в зал ожидания. Там в уголочке скромно стоял брат Джон с кислой миной на постной физиономии. В руке он держал чистую черную ряску.

Стоило только увидеть брата по Церкви, как эйфория прошла, словно не бывало. Исаак стыдливо опустил голову, чувствуя, как наливаются пунцовым небритые щеки, и двинулся навстречу священнику-администратору. Джон с укоризной протянул ряску.

– Вот. Надень это. Мы не хотим, чтобы брата Церкви видели в дамских тряпках.

Исаак взглянул на свой наряд, осознал, подобно библейскому Адаму, что гол, и устыдился.

Одеваться под надзором старшего священника-администратора было неудобно. Руки тряслись, пальцы не слушались, в голову лезли мысли о раскаянии.

Брат Джон окинул взглядом облаченного в рясу Исаака и, кажется, остался доволен.

– Теперь вот что, – сухо заговорил он. – Капитан был так добр, что разрешил тебя освободить, сделав лишь предупреждение. Он также обещал сохранить этот инцидент в тайне. Однако мы считаем, тебе нужно как следует подумать о своем поведении и о том, что ты мог испортить репутацию всей организации.

Исаак кивнул. Священник-администратор был столь зануден, что раскаяние как-то само собой отступило, уступив место скуке, с какой Исаак обычно слушал, как его отчитывают.

– Идем.

– Куда? – не понял он, настроившись уже на продолжительную проповедь.

– Тебя ждут на совете, – коротко отозвался Джон.

Исаак вздохнул и вышел вслед за священником-администратором, шлепая босыми ногами по холодному полу. Он никогда не горел желанием встречаться с советом, тем бо-

лее сейчас. Особенно сейчас. Потому что это «приглашение» могло означать только одно: у него крупные неприятности.

Всю дорогу Исаак провел в безмолвии. На сей раз мысли, которые его терзали, были вполне философскими. Он таращился невидящим взглядом в окно на проносящиеся мимо леса и поля и силился понять, как можно нажить себе неприятности на Земле, самой тихой и самой скучной планете во всей Галактике.

С этой мыслью Исаак откинулся назад. В голове снова стучало, а внутри от тряски поднимался на дыбы обильный завтрак, и рыжий священник боялся, что его стошнит.

Глава 5

Вернувшись в безумный мир из аскетичных стен одиночной камеры, Исаак понял, что возможность размышлять о вечном отдалилась от него на совсем уж заоблачное расстояние. Разум и душу заполнили терзания и мысли о раскаянии. Потом обрушился вечер. Причем скорее, чем того хотелось бы. А вместе с сумерками пришло время от помыслов переходить к действиям. Во всяком случае, братья по Церкви определенно ждали от него покаяния.

Одетый в простую черную форму священника-следователя, Исаак стоял в центре круглого зала. Голова опального служителя культа была смиренно опущена, что не мешало рыжему искоса поглядывать на пять огромных кресел, возвышавшихся перед ним. Сидящие в креслах члены совета изучали что-то на контактных панелях и интереса к виновнику собрания пока не проявляли.

Исаак даже не догадывался, что отображается на этих панелях, но затягивающееся молчание ему не нравилось. А молчали все пятеро, плюс смотритель, который всегда сопровождал посетителей в зал собраний.

В том, что за случившееся его ждет наказание, Исаак не сомневался, как не сомневался, что оно будет достаточно суровым. Но тишина угнетала, а не прозвучавший пока приговор, казалось, тяжелел с каждой секундой безмолвия.

«Что с ним могут сделать? – лихорадочно мелькали в голове мысли. – Ну, допустим, выгонят из Церкви. Обидно, конечно, но не смертельно. Может, и к лучшему». Исаак облегченно вздохнул, но тут же про себя чертыхнулся: «Как же он забыл?! Уйти из Церкви невозможно! Единожды став братом Церкви Света, ты останешься братом до конца».

О конце думать не хотелось, умирать в ближайшее время Исаак не собирался. Ну, и что тогда решат в отношении опального священника члены совета? Какое наказание придумают?

А что бы он сделал на их месте? Придумал бы другую форму наказания.

Исаак дал волю воображению и пришел к выводу, что если члены совета размышляют подобным образом, то ему до конца дней, видимо, придется коротать время в тяжелых трудах и бесконечных молитвах. От этой мысли он жалобно покосился на советников.

Тот, что сидел в центре, – седовласый старец по имени Теодор – оторвался от контактной панели и посмотрел на рыжего священника всепонимающим отеческим взглядом. Исаак почувствовал, что уменьшается в размерах.

Теодор откашлялся и заговорил тихим, с хрипотцой, баритоном:

- Брат Исаак, знаешь ли ты, зачем тебя вызвали на совет? Исаак кивнул.
- Очень хорошо, – похвалил старик и продолжил: – Так

как твое поведение не может остаться незамеченным, мы должны решить, что с этим делать...

Теодор снова воззрился на панель и принялся монотонно перечислять прегрешения брата по Церкви. Исаак зажмурился. Не то чтобы он расстроился или раскаялся в том, что натворил прошлой ночью. Скорее, он был удивлен и обрадован, узнав, что совету известны далеко не все его похождения.

Так, например, от внимания старейшин укрылась короткая, но бурная интрижка с официанткой Тиной. Девушка грезила соблазнить священника из Ордена. Исаак не был уверен, что это единственная мечта Тины, но сделал всё от него зависящее, чтобы она осуществилась. Вроде бы это было неплохо, хотя всех подробностей randevу он вспомнить не смог. Кажется, Исаак ей что-то пообещал. Вот только что? Он попытался припомнить, но память устроила забастовку, и рыжий священник начал строить предположения. Буквально от первого же его бросило в холодный пот.

Нет, обещать жениться на ней Исаак точно не мог. Не настолько он был пьян. Или настолько? Нет, нет и еще раз нет. Это должно быть что-то другое, что не посягает на его свободу. Но что? Деньги? Ужин в новейшем ресторане возле космопорта? Не то. Все последующие попытки отвязаться от дурацкой версии также не увенчались успехом. Мысль о свадьбе лезла в голову тем сильнее, чем активнее он пытался избавиться от нее.

– ...итак, Исаак, ты понимаешь, что нам не остается ничего другого, кроме как признать тебя виновным за содеянное и дать тебе задание для искупления вины, – ворвался в нестройный поток мыслей вкрадчивый голос седовласого Теодора, который всё это время продолжал говорить.

Исаак поспешно кивнул. Кто ж тут будет спорить, когда Теодор – не только один из пяти членов совета, но и настоятель главного отделения Церкви на Земле, и...

Точно! Девушка хотела, чтобы он показал ей внутренние покои священников! Ну что ж, не так уж плохо, во всяком случае, лучше свадьбы. Возможно, получится провести ее туда тайком как-нибудь после праздников. Только сперва надо будет заглянуть в бар, посмотреть на барышню трезвым взглядом. Если на трезвую голову она покажется симпатичной, то почему бы и не рискнуть...

Тон советника изменился, и Исаак понял, что прозевал нечто очень важное. Он пытался собраться и слушать внимательно, но от монотонного голоса Теодора клонило либо в сон, либо на посторонние мысли. Поэтому, пропустив половину монолога, он услышал только последние слова:

– ...ты отправляешься немедленно. Всё, что тебе нужно, уже в транспортном судне. Ступай. Это дело нельзя откладывать.

Исаак хотел уточнить, куда он должен лететь, но не успел. Теодор наклонил панель и нажал на кнопку в подлокотнике. Спустя мгновение кресла опустели. Несколько секунд ры-

жий тупо смотрел перед собой, туда, где только что были люди, силясь понять, как такое возможно. Наконец дотумкал, что похмелье отпустило не до конца. Это же голограммы! За последние несколько лет члены совета редко встречались друг с другом вживую. С тех пор как Исаак стал братом Церкви, он мог припомнить всего один такой прецедент. Кажется, тогда нужно было расписать условия договора с кланами техномагов. Во всех остальных случаях члены совета присутствовали на заседании в виде голограмм.

Вопрос о судьбе пьяного брата был пустяком, потому Исааку не стоило надеяться, что для его обсуждения кто-то из отцов Церкви прибудет лично. Но общение с голограммами его отчего-то обидело.

– Отправляешься немедленно, – проворчал он, передразнивая Теодора и не боясь уже быть услышанным. – Искусственный вердикт искусственного совета.

Возникло дурацкое желание показать пустым креслам язык, но двери за спиной открылись, и Исаак вышел, быстро прилепив на лицо смиренное выражение.

Снаружи его ждал зритель.

– Куда теперь? – полюбопытствовал Исаак.

Но тот до ответа так и не снизошел. Видимо, уже был в курсе Исааковых походов. Молча развернувшись, сопровождающий потопал в сторону жилых помещений. Исаак вздохнул и двинулся следом.

Зритель привел провинившегося священника-следо-

вателя в его комнату. Рыжий обрадовался было, что теперь дадут отдохнуть, но куда там! Всё, что ему позволили, – это быстро собрать вещи. Следующим пунктом оказался офис главного священника-администратора.

«Всё складывается удачно, – подумал Исаак, увидев, куда его привели. – Брат Джон, конечно, зануда, но, по крайней мере, расскажет, куда ему лететь и зачем».

Брат Джон был явно недоволен, и Исаак не без основания предполагал, что причина недовольства кроется в нем. Хорошо еще, что священник-администратор не знает про официантку. Или знает? Джон вытащил его из тюрьмы, так что, вполне возможно, ему известно больше, чем совету.

Опальный священник украдкой глянул на главного администратора. Джон продолжал мерить шагами комнату, заложив руки за спину. Его лицо сохраняло мрачное выражение. Наконец он остановился и посмотрел на Исаака. Тот опустил очи долу, всем видом показывая смирение. Хотя по-настоящему смиренным сидящий на полу, по-турецки скрестив ноги, Исаак не выглядел.

– Как ты себя чувствуешь? – вдруг спросил главный администратор.

Интересно, подумалось Исааку, его действительно заботит самочувствие брата или вопрос с подковыркой? Так и не решив, в чем подвох, он слегка покачал головой:

– Могло быть и лучше.

– Могло быть, – согласился Джон. – А кто виноват?

– «Три мудреца», – тут же отозвался Исаак.

– Какие еще мудрецы? Откуда?

– Из бутылки, – ответил провинившийся священник. – Я знал, что не стоило это пить. – Исаак снова попытался играть смирение, но припомнил вкус той бурды со странным названием «Три мудреца» и скривился. Если верить бармену, этот напиток был приготовлен по древнему рецепту, использовавшемуся еще в двадцать первом веке. Хотя чего-чего, а веры этот прохиндей с шейкером в ловких руках не вызывал. Да и «Три мудреца» с двадцать первым веком у Исаака не шибко ассоциировались. Если верить сборникам рецептов, относящихся примерно к тому времени, то более правдоподобным был бы коктейль с названием «Секс на пляже» или «Исповедь грешницы».

– А, неважно, – отмахнулся Джон. – Лучше поговорим о твоём задании.

Исаак задумался. О том, что должен делать и куда лететь, он не имел ни малейшего представления. Но признаться главному администратору в том, что он попросту прохлопал ушами речь советника Теодора, было бы ошибкой. Поэтому Исаак продолжал отыгрывать покаяние, надеясь, что брат Джон не будет задавать никаких конкретных вопросов.

– Ты уверен, что справишься с этим?

Исаак кивнул.

– В одиночку?

Исаак снова кивнул.

– Если ты думаешь, что это очередная поблажка, то ты ошибаешься. На этот раз всё по-настоящему. Ты в самом деле можешь столкнуться с Призраком.

Последнее слово заставило Исаака поднять глаза на главного администратора:

– А кто-то пару недель назад говорил, что Призраков не видели уже лет двадцать, – съехидничал рыжий, хотя внутренне напрягся от такой новости.

– Я говорил, – еще больше нахмурился Джон. – Их и в самом деле не видели. Только это ничего не значит. Призраки осторожны, они могут быть где угодно, и тебе лучше заранее подготовиться к встрече с ними.

– Да я всегда готов, – ухмыльнулся Исаак. – Не переживай.

Джон пристально посмотрел на рыжего следователя. Тот выглядел беспечным, как ребенок. Он всё еще не верит, подумалось Джону, никогда не верил и продолжает не верить. С другой стороны, его можно понять. Он никогда не видел Призрака, более того, никогда не разговаривал с теми, кто с ними сталкивался. А верить в то, чего не видел...

А разве это не основа веры? Просто верить и знать, что так оно и есть! Так, может, на самом деле Исаак принял на веру информацию о Призраках и просто дурачится по своему обыкновению. Если так, то выговор, который он получил от совета, действия не возымел.

– Это не шутки, – сердито повторил Джон.

– Не шутки, – послушно кивнул Исаак.

Джон снова заложил руки за спину и стал наворачивать круги по комнате. «Если всякий раз он так топает, когда погружается в мысли, – подумал Исаак, – то странно, как он до сих пор не протоптал тропинку в ковре».

– Что ты знаешь о Призраках? – остановился Джон.

– То же, что и все, – пожал плечами Исаак.

– То же, что и все, – хмуро передразнил администратор.

– Расскажи больше, – парировал рыжий.

Джон запустил руку в волосы, нарушив причёску, крикнул и снова молча стал вышагивать по кругу. Прямо пони, а не священник-администратор.

– Не маячь, – попросил Исаак, подождав с полминуты, но собеседник его не услышал.

– Принято считать, – неожиданно нарушил молчание Джон, – что Церковь Света возникла, дабы изгнать Призраков и привнести порядок в мир хаоса. Это всё красивые слова, и в них только доля истины. Документов о той, первой войне с Призраками практически не сохранилось. Всё, что уцелело, лежит в архивах Церкви, и я уже давно пытаюсь разобраться с ними.

– Ну и как? Нашел что-нибудь интересное?

– Нашел. По всему выходит, что никакого хаоса не было.

Исаак фыркнул:

– А что было?

– Просто беспричинная резня, – нахмурился пуше преж-

него брат Джон. – Много веков назад, когда людям казалось, что они наконец покорили космос, на краю галактики появилась вихревая воронка.

– Что за воронка?

– Кто ж ее знает. Скорее всего, это было некое явление, с которым люди столкнулись первый и последний раз. Объяснить не смогли, но название дали. Из воронки в наш мир проникли Призраки. Они вселялись в людей и уничтожали всё живое, целые миры исчезли навсегда, и за какие-то десять лет вся наша цивилизация оказалась на грани истребления. Именно тогда на руинах разоренной человеческой империи и восстала Церковь Света, восстала из тьмы и пепла, восстала для защиты человечества, – в голосе брата Джона звучало всё больше пафоса.

– Аминь, – не удержался от шпильки Исаак.

– Ты будешь слушать? – рассердился Джон. – Или скабрезничать?

– Слушать, – кивнул рыжий.

– Наши собратья, первые священники Церкви, вступили в битву с Призраками. Поверь, это была война на выживание, и священники ее выиграли. Церковь спасла человечество, уничтожив большую часть Призраков. Большинство, но не всех. Некоторые успели скрыться. И с тех пор мы неустанно охотимся за ними. Мы единственные, кто, сталкиваясь с Призраками, остался в живых, мы единственные, кто научился бороться с ними.

Исаак кивнул:

– Расскажешь о Призраках?

– Призраки – бестелесные создания неизвестного происхождения, питающиеся людскими душами, вернее, той энергией, что заключается в наших телах. Но до сегодняшнего дня доказать или опровергнуть данное утверждение никто не смог.

– Может, расскажешь что-то, чего я не знаю?

Джон насупился, запыхтел, как сильно обиженный ежик, и продолжил прерванный путь по комнате.

– Дело в том, – снова заговорил он, – что о сути Призраков нам ничего конкретно неизвестно. Официально принято говорить, что Призраки ослабли, встречаются крайне редко и справиться с ними может любой священник Света. Если же откровенно, это не так. Одолеть Призрака может далеко не каждый. Они встречаются реже, это верно. Но они столь же непредсказуемы, как и прежде. И бороться с ними, не имея практики, становится сложнее, а не легче. Ты должен учитывать это. И еще: за последние месяцы случаев, похожих на одержимость, было зафиксировано больше, чем за предыдущие несколько лет.

Джон замолчал. Рыжий следователь ждал еще какое-то время, затем подал голос:

– Это всё?

– Нет, – встрепенулся администратор. – Есть еще кое-что, что не принято рассказывать, но необходимо знать каждо-

му священнику-следователю, отправляющемуся на подобное задание.

Исаак наострил уши. Брат Джон вынул амулет с выгравированной символикой Церкви Света и вручил его Исааку.

– Теперь это неотъемлемая часть твоего арсенала. Береги его.

– Что за бирюлька? – Исаак с интересом разглядывал подарок.

– Это амулет заточения. Уничтожить Призрака не так легко: они бестелесны. Когда ты встретишь одного из них, скорее всего, ты столкнешься с его носителем. Носителя ты убьешь, Призрака – нет. Его можно уничтожить двумя способами: либо заточить в умершем теле носителя, что практически невозможно, либо при помощи обряда в чистилищах нашей Церкви. Этот амулет – контейнер-тюрьма, с помощью которого ты сможешь поймать и перевезти Призрака в чистилище.

– Любопытно, – протянул Исаак. – А как эта штука работает?

Вопрос был задан скорее из вежливости, но священник-администратор принял ее за интерес и самозабвенно углубился в технические дебри, из которых рыжий не понял и десятой части.

Брат Джон оказался столь любезен, что проводил Исаака до космопорта. Не то и в самом деле беспокоился за брата по

Церкви, не то опасался, что тот самостоятельно без приключений не доберется. Если такие опасения и имели место, то администратор ошибался. Рыжий забрался на заднее сиденье того же самого летательного аппарата, который доставил его из участка, откинулся на спинку и тихо-мирно подрых до самого космопорта.

Проснулся Исаак оттого, что кто-то мягко, но настойчиво теребил его за плечо. Следовательно открыл глаза.

– Прилетели? – зевнул рыжий.

– Идем, – кивнул Джон и, не дожидаясь ответа, вылез из салона наружу.

Исаак встряхнулся, закинул сумку на плечо и бодро пошел за главным администратором. Спросонья он соображал плохо, к тому же все мысли сводились к одному непреодолимому желанию: жутко хотелось чего-нибудь выпить. Лучше всего холодного пива, хотя бокал вина тоже оказался бы не лишним. Но увы: ни денег, ни времени у Исаака не было. Он зажмурился и представил бар космопорта. Небольшой, уютный, в ретро-стиле. Изящные кружечки с ячменным напитком золотистого цвета, скрытым под толстым мохнатым слоем пены. Рыжий сглотнул и украдкой глянул на брата Джона. Тот шел рядом и посматривал на него с таким красноречивым выражением, что все мысли о баре улетучились сами собой.

Джон не спускал с него глаз ни на минуту. Вместо бара он потащил священника-следователя к маленькой двери в спец-

отсек для особо важных посетителей. Эту дверь, как и то, что за ней находилось, Исаак знал очень неплохо. Будучи молодым священником, он проходил здесь стажировку. Работа в спец-отсеке была отвратительна. Он торчал там часами, встречая важных гостей, которые приезжали в Церковь. А кроме того, сопровождал братьев, приезжавших и уезжавших в большом количестве.

С одной стороны, этот выход был много удобнее – не нужно пихаться в сутолоке космопорта. С другой – если они пошли здесь, значит, ни одного бара по пути уже точно не будет. Исаак тяжело вздохнул.

Пройдя по длинному коридору, они попали в зал ожидания. Пока администратор выяснял, всё ли готово к отъезду, следователь скромно присел в кресло. Истории о Призраках, с которыми ему, возможно, придется встретиться, ничего, по сути, не объясняли. И он до сих пор терялся в догадках, куда и зачем летит. А впрочем, не всё ли равно? Без сомнений, его пошлют в приличное место, возможно, какую-нибудь колонию в Солнечной системе. И задание, скорее всего, окажется пустяшным – из разряда «приехал, посмотрел, составил отчет о странных толчках, пророчествах, таинственных исчезновениях и – улетел восвояси». Толчки, пророчества и исчезновения и вправду иногда случались, но причина их крылась чаще всего не в темных силах, которым призвана противостоять Церковь, а в банальной халатности одних и хитрожопости других – проще говоря, в человеческом факторе.

За скучными мыслями Исаак чуть было снова не заснул, но в этот момент вернулся администратор. В руке он держал стандартный коммуникатор священника-следователя.

– Это тебе, – Джон протянул прибор.

– Спасибо.

– Теперь слушай и запоминай. Как только прибудешь на место, свяжешься с диспетчерской. Там тебе сообщат последнюю информацию и дадут инструкции. Ни в коем случае никакого пьянства. Ни на корабле, ни по месту назначения. Я могу рассчитывать на твою сознательность?

Исаак кивнул, хотя уже решил, что выпьет хотя бы кружку пива после взлета и затем по кружечке каждый час, пока корабль не сядет.

– Ну, корабль готов, – брат Джон посмотрел на выход в другом конце комнаты и вздохнул. – Ступай.

Исаак поднялся, кивнул и двинулся к выходу. Через несколько шагов остановился и обернулся:

– Брат Джон, могу я попросить об одолжении?

– А что нужно?

– Пожалуйста, зайди ко мне и выброси жратву, которая осталась на столе. Она и так там стоит с утра пятницы.

– Хорошо.

– В прошлый раз тоже что-то оставалось, – пожаловался Исаак. – Я уехал всего на месяц, а вонь потом стояла в квартире целый год.

Священник-администратор кивнул и посмотрел на быст-

ро уменьшающуюся очередь у выхода на посадку.

– Да-да, иду, – заторопился Исаак.

Джон помахал ему и отправился прочь.

Посадку он прошел довольно быстро. Уже через десять минут после прощания с Джоном Исаак сидел в кресле космолета. Место за номером 113 располагалось у прохода. Суеверным рыжий не был, а вот кресла у прохода его всегда раздражали. Хотя на этот раз подобный знак невнимания к его предпочтениям можно было объяснить как наказание.

Исаак откинулся на спинку. Автоматический регулятор включился практически беззвучно, и кресло приняло форму тела.

– Заканчивается посадка, – прозвучал искусственный голос.

Исаак был рад слышать, что на борт поднимаются последние пассажиры и взлет не за горами. Через пять минут после старта по салону начнут снова стюардессы и предлагать напитки, закуски и прочую ерунду. Прочая ерунда его не шибко волновала, а вот кружечка пива будет в самый раз. Рыжий сощурился, став похожим на кота, застывшего в предвкушении на берегу моря сметаны.

На самом деле предвкушать пришлось целый час. Именно тогда к выходу на посадку примчался последний пассажир – невысокого роста инопланетянин с голубоватой кожей. Исаак узнал его издали и молча усмехнулся, представляя себе беднягу, которому достанется это сокровище, то есть спут,

один из толпищ странных пришельцев, которые занимались, кажется, лишь тем, что фиксировали всё подряд, что заслуживало, на их взгляд, внимания. Сами они гордо именовали себя Хранителями знаний, на самом деле были жутко надоедливыми созданиями. Во всяком случае, к тем, кого спуты считали участниками интересных событий, они прицеплялись мертвой хваткой и преследовали повсюду. Отвязаться от спута было нереально. Синюшный летописец оставлял объект своего наблюдения в покое лишь тогда, когда заканчивал запись всех интересующих его фактов. Можно было припомнить множество случаев, когда несчастными, попавшими под наблюдение, предпринимались попытки избавиться от спутов, но ни одной успешной Исаак вспомнить не смог, как ни напрягал память. Даже если спут в процессе сбора информации умирал, его место занимал другой, и всё оставалось по-прежнему.

Правительства, компании и планетарные администрации тоже пытались противиться соглядатаям, но вскоре поняли, что есть лишь одно средство от спутов – договориться с ними. Так родились пакты об обмене информацией и знаниями, или ПОИЗы, суть которых была проста: в обмен на некую важную информацию спутам было разрешено сопровождать кого им вздумается. Единственное, что им запрещалось, – разглашать собранную информацию третьим лицам без согласия на то своего подопечного или его правителей.

Конечно, было время, когда эти соглашения нарушались.

Но после ряда реформ проблемы удалось устранить, и уже много лет считалось, что спуты и сбор информации – это одно и то же. На некоторых планетах даже отказались от службы наблюдения, дешевле и эффективнее было пригласить к себе нескольких спутов на постоянное место жительства.

Все знания, которые спуты собирали в пределах галактики, передавались в их родной мир, спрятанный за пылевыми облаками на краю Млечного Пути. Всякие попытки войти в эти облака закончились катастрофой, и уже более тысячи лет никому из посторонних не удавалось приблизиться к планете спутов, чтобы хоть краем глаза посмотреть на нее. Это даже стало своего рода мифом, легендой. Более того, так как спуты отвергали любое насилие, оружие, используемое ими, не было смертоносным. Такое положение особенно устраивало всякого рода наемников, которые стали отправлять к наружному краю пылевого облака тысячи рекрутов, чтобы испытать свое оружие на спутской системе защиты. Ходили даже слухи, что некоторые кланы наемников объявили награду в миллиард кредитов тому, кто ступит на родную землю спутов. Один тот факт, что наемники были готовы расстаться с такой суммой, свидетельствовал о том, что мир спутов оставался недоступен никому, кроме них самих.

Интересно, кто этот несчастный, которому достался такой попутчик? Спут вошел на борт, и Исаак наблюдал теперь за тем, как синюшный пробирается со своим багажом по про-

ходу. Оторвав взгляд от пришельца, он оглядел салон. Казалось, что тот же вопрос мучает всех пассажиров. За спутом сейчас пристально следили сотни пар глаз.

Синюшный инопланетянин двигался неспешно, с какой-то размеренной деловитостью и основательностью. Когда он проходил мимо очередного ряда, из-за спины спута доносились вздохи облегчения или тихие смешки. Сперва всё это забавляло священника, но чем больше он слышал выдохов и смеха, тем сильнее становилось волнение. Маленький пришелец прошел еще несколько рядов. Теперь он был на опасно близком расстоянии от Исаака.

«Нет, этого не может быть, – панически метнулось в рыжей голове, – сейчас он сядет на том ряду. Садись же! Садись там, садись!»

Но спут продолжал идти и остановился, лишь поравнявшись с креслом под номером 112. Притормозив, инопланетянин кинул беглый взгляд на печать в своем билете, потом на номер ряда и снова на билет. После этого он взял свою сумку и продвинулся на один шаг дальше. Исаак вздохнул, испытав ни с чем не сравнимое облегчение, но, как оказалось, радовался он рано. Через минуту спут вернулся, только уже без сумки. Посмотрел на номер места рядом с Исааком и улыбнулся.

– Извините, кажется, мое сто четырнадцатое, – сообщил спут. Голос его прозвучал застенчиво.

Исаак поднял на синюшного полные слез глаза. Мужчина,

что сидел по другую сторону от прохода и наблюдал за происходящим с волнением, перестал нервно барабанить пальцами по подлокотнику и бодро хихикнул. Исаак одарил его злобным взглядом.

– Полагаю, вы брат Исаак? – поинтересовался спут.

Исаак косо посмотрел на спута. Больше всего на свете ему сейчас хотелось сказать пришельцу, что это ошибка, что он не Исаак и не священник. Но рыжий отлично понимал, что лгать спуту бесполезно, эти голубые существа знали абсолютно всё, и вопрос был скорее риторическим.

Он снова покосился на приободрившегося мужика по ту сторону прохода, словно бы искал у него поддержки, но помощи не было. Каждый счастлив в одиночку. Исаак перевел взгляд на спута и нехотя кивнул.

– Великолепно, – снова улыбнулся спут и наклонил голову. – Вы не возражаете, если я протиснусь? По-моему, у меня место возле иллюминатора.

Исаак немного подвинулся, и спут пробрался в свое кресло.

– Великолепно, великолепно, великолепно, – повторил спут несколько раз, усаживаясь, посмотрел на Исаака и добавил: – Меня зовут Антрацит, и я буду вашим регистратором на этом задании.

Исаак нахмурился. Что же это за задание, если оно требует присутствия спута? Пальцы нащупали коммуникатор в кармане. Исаак быстро вынул прибор и нажал кнопку. На

дисплее появилось одно-единственное слово.

– Паладос? – выпучился Исаак.

– О да, брат Исаак, – охотно подхватил спут. – Таинственная планета Паладос. Ты знаешь, что это третья по величине планета в...

Спут продолжал бубнить, демонстрируя свои выдающиеся познания о планете, название которой Исаак только что услышал впервые в жизни. Интересно, что еще он пропустил тогда на совете? Рыжий напряг память, так что в голове закрипело, но ничего путного припомнить так и не смог.

– Понимаешь, – ворвался в мысли голос спута, – если мы не опоздаем ни на одну пересадку, то должны прибыть туда ровно через две недели, хотя я оставляю погрешность в два дня на случай непредвиденных обстоятельств, поломок и неурядиц. Ведь мы путешествуем по территориям федеральных властей.

Исаак недобро взглянул на пришельца.

– А ты зачем туда летишь?

– О, я рад, что ты спросил меня об этом, – оживился Антрацит. – Я буду фиксировать всё, что связано с твоим заданием. Между прочим, я первый в нашей семье, кто стал регистратором. Это большая честь и огромная ответственность для меня.

– Так ты хочешь сказать, что спуты занимаются еще чем-то, кроме сбора информации?

– Конечно, – кивнул пришелец. – Наше общество такое

же, как любое другое. Задачи разные, и спуты занимают-
ся разнообразными вещами. Согласно специализации, как у
вас.

– А твоя семья? – Исааку и впрямь стало любопытно.

– Вот уже двести два года мы чистим дренажные системы.

– Чего?

– Да-да, мы специализируемся на подземных дренажах.

Но мой отец заставил нас выучиться и на другие специаль-
ности. Поэтому теперь мы также делаем поверхностные дре-
нажи, дренажи космических станций.

– Если вы занимаетесь всеми этими дренажами, то что ты
здесь делаешь?

– О нет, брат Исаак, – покачал головой Антрацит. – Дре-
нажами занимаются мои братья. Я – другое дело. Мне всегда
хотелось быть регистратором.

– А мне всегда хотелось стать главным дегустатором пив-
ных производителей межгалактической федерации, – хмык-
нул Исаак. – Только, знаешь ли, не вышло.

– А у меня вышло, – гордо вскинул голову спут. – Когда
я достиг возраста, позволяющего мне стать регистратором, я
подал заявление в специальное училище. Но мое заявление
не приняли. Поэтому я в течение десяти лет самостоятель-
но фиксировал всё то, что делала моя семья. Один из моих
отчетов об отводе кислотных растворов из зоны грузового
отсека, отделенного металлической перегородкой, на косми-
ческих кораблях класса «Д», которые используются для об-

работки поверхности...

– Что? – перебил Исаак.

– А, старые корабли, используемые как жилые корпуса, и...

– Ладно, – отмахнулся священник. – Я понял.

– В общем, – упростил объяснение Антрацит, – один из моих отчетов был замечен должностным лицом, занимающимся регистрацией данных. В то время у них как раз появились вакансии, и так как кандидатов было недостаточно, одно место предложили мне. Я закончил обучение в прошлом месяце и теперь получил первое задание.

– Меня? – спросил Исаак.

– Да, ты – мое первое задание, – похвастался Антрацит.

Рыжий откинулся на спинку. От таких новостей впору было взвыть. Вот оно, самое страшное наказание, которое мог назначить ему совет. Пролететь миллионы световых лет на другой конец галактики, на сомнительную планетку, где, если верить словам спута, нет ни черта, кроме голых скал... Да еще в компании новичка-регистратора. Да каждому ребенку известно, что хуже спута может быть только начинающий спут.

Исаак закусил губу и тихонько заскулил. Лучше бы его оставили в тюрьме. Рыжий закрыл глаза, перед внутренним взором возникла одиночная камера.

«Ты, дятел! Я тебя убью, понял? – всплыл грубый голос из глубин памяти. – Сегодня же на прогулке. Это будет по-

следнее, что ты сожрал в своей поганой жизни!»

Исаак открыл глаза и тряхнул головой. Нет, пожалуй, в тюрьму возвращаться не стоит. Он посмотрел на спута. Маленький пришелец глядел на него с пониманием. Священник попытался изобразить улыбку, но вместо этого получилась гримаса.

– Что за имя такое, Антрацит? – недовольно поинтересовался он.

– О, видишь ли, перед тем как отправиться на задание, каждый регистратор должен досконально изучить тот народ, который он будет сопровождать. Регистратор обязан знать как можно больше о народе, его культуре, языке и традициях. В конце концов, он должен взять себе внешнее имя, которое бы наиболее точно соответствовало выбранному народу. И это должно быть не просто имя, ему следует отражать нечто очень важное или лучшее в своей категории, чтобы представители данного народа могли с легкостью его запомнить. А всё потому, что наши настоящие имена слишком сложны как в произношении, так и в написании.

– И чем же черный цвет такой запоминающийся? – не понял Исаак.

Спут мелко затрясся, издавая нечто напоминающее хихиканье.

– Чего смешного?

– Извини, – посерьезнел Антрацит. – Мое имя означает не цвет, который все знают как разновидность черного, а вид

угля. Лучшего угля, который был у вас на Земле.

– Что такое уголь, черт возьми? – Обилие непонятных слов злило.

– В те времена, когда земляне еще не летали в космос, они добывали все ресурсы из своей планеты. И использовали их в самых разных целях. Всё, что когда-либо строили жители Земли, было сделано из природных материалов. Так, уголь был органическим веществом, которое, в сущности, составляли мертвые деревья. Земляне использовали его, чтобы приводить в движение машины и обогревать свои дома. Лучший сорт угля назывался антрацитом.

– Бред, – подытожил Исаак.

– Скорее, предания старины глубокой, – непонятно ответил спут и пожал плечами.

– Антрацит, – попробовал слово на вкус священник. – Немного сложно для имени, ты не считаешь?

– Знаю, – тяжело вздохнул спут. – Но к тому времени, когда я закончил подготовку к заданию, все хорошие имена были уже разобраны. Оставалось только это или Подтяжки. А Подтяжки мне совсем не нравятся. И, честно говоря, я даже не знаю, что это значит.

– Ну, они, наверное, что-нибудь подтягивают, я так думаю, – предположил Исаак.

Странное дело, но он начал даже получать удовольствие от общения со спутом, которому не досталось приличного имени.

– Кстати, – вопрос родился сам собой, – почему все имена были разобраны?

– Так получилось, – Антрацит смущенно потупился, – что я сдавал экзамен последним.

– Почему?

– Я завалил его четыре раза.

От неожиданности Исаак раскрыл рот. Спут поглядел на подопечного и торопливо залопотал:

– Только не волнуйся, на пятый-то раз я всё сдал.

– Замечательно, – вздохнул священник.

Вот это наказание! Просто подарок судьбы. Мало того что ему достался спут. Так еще и новичок. Причем не просто новичок, но еще и худший. Худший из худших. В сравнении с этим громилы-сокамерники уже не казались таким уж паршивым вариантом.

Салон заполнил низкий гул включаемых двигателей. Сиденье начало слегка вибрировать, и священник-следователь закрыл глаза. Взлет он переносил довольно скверно. Организм, видимо, в поисках защиты, выработал привычку: каждый раз при старте на него нападала сонливость. Борьба с ней ради кружки пива еще имело смысл, но ради общения со спутом Исаак не стал.

Сон навалился прежде, чем были отпущены фиксирующие крепления. Спут, напротив, выглядел беспокойным.

– Брат Исаак, – позвал Антрацит и очень расстроился, когда подопечный не ответил.

Спут чувствовал себя крайне неудобно, вертелся по сторонам, глядел в иллюминатор, следя за каждым движением корабля. Так получилось, что в своем заявлении на должность регистратора спут по имени Антрацит не указал некоторые персональные данные, а именно то, что он боялся летать, боялся высоты и межзвездных путешествий. Но так как эти три условия были обязательными для любого регистратора, Антрацит слукавил, опустив подробности. Теперь же ему понадобилась вся сила воли, чтобы выглядеть хоть немного спокойным. Однако внутри у него всё дрожало.

Глава 6

Габриель сидел на низкой скамейке, привалившись спиной к стене. Церковная часовня представляла собой узкое металлическое сооружение с одной дверью и без окон. Найти в изолированном секторе более удобное место для защиты, пожалуй, было бы затруднительно. Часовня в этом плане оказалась идеальна, а Габриель со своим голубокожим другом последние два дня только и делал, что держал вынужденную оборону.

Бывшие узники стационарной тюрьмы появлялись хоть и небольшими группами, но довольно часто. Более того, нападали они внезапно и яростно. Впрочем, особой тактикой и стратегией нападающие не блистали, на них работал только эффект неожиданности, а к этому можно было приноровиться.

Габриель не без помощи спута – тот даже несколько раз выстрелил, что было для него очень необычно, – держал оборону уже двое суток. Пока всё шло по обычному сценарию. Единственное, о чем жалел священник, так это о том, что у него не оказалось достаточного количества снотворного, и он был вынужден использовать смертоносные средства. Потому число трупов перевалило за два десятка. А троих вообще завалил миролюбивый 100 градусов по Цельсию, но легче от этого не становилось.

Стоило только вспомнить о нем, как подошел 100 ГЦ. Спут припадал на левую конечность, он неудачно упал при последней атаке и хромал, но, к его чести, не жаловался.

– Думаешь, они вернуться? – поинтересовался синюшный пришелец, усаживаясь на скамейку рядом с Габриелем.

– Слушай, ты уже задавал мне этот вопрос десять раз, – огрызнулся священник-следователь, – нет, не вернуться. С того света не возвращаются. Но новые, конечно, набегут и будут приходить до тех пор, пока мы не найдем начальника охраны.

– И как ты собираешься его найти? – полюбопытствовал спут.

– Не знаю, – честно признался Габриель. – Пока не знаю.

– Я могу что-нибудь сделать?

– Да. – Священник повернул голову и поглядел на пришельца. – Ты можешь пойти на второй этаж и принести мне воды.

100 градусов пошел было наверх, но вернулся с полдороги.

– Какой воды? – уточнил он.

Габриель посмотрел на спута с раздражением.

– Я хочу сказать, – поспешил с объяснением тот, – что на втором этаже есть разная вода. Есть чистая питьевая, есть обычная ископаемая, там есть канализационная труба и...

– Просто принеси мне что-нибудь попить, – прервал зануду священник.

– Так тебе принести воды? – с достоинством уточнил си-
нюшный инопланетянин. – Или ты предпочитаешь сок? Или
консервированный напиток, энергетическое питье...

– Послушай, – устало оборвал Габриель. – Принеси мне
хоть что-нибудь, что можно пить.

– Но...

– Никаких «но», просто что-нибудь, что можно пить, –
Габриель бросил на спута жесткий взгляд. Инопланетянин
опустил голову и засеменил ко входу в часовню.

Оставшись один, Габриель шумно вздохнул. Двое суток
постоянного напряжения давали о себе знать. Мысли текли
вяло, всё время клонило в сон. Да и сами думы, признаться,
были тяжелыми. Если на станции действительно находится
Призрак, а сомневаться в этом не приходилось, возникала
масса вопросов. Во-первых, непонятно, как он сюда попал.
Как ему удалось пройти через систему обнаружения, кото-
рую Церковь установила на всех крупных объектах в преде-
лах Федерации? И почему после стольких лет молчания один
из них появился именно здесь и сейчас?

Ответов Габриель не находил. Что-то, наверное, могли бы
рассказать нападавшие. Но для этого нужно было поймать
хотя бы одного из них живьем и в сознании. Пока такой воз-
можности не представилось. Беглые зэки были столь свире-
пы и агрессивны, что не оставляли выбора: либо полное от-
ключение, либо смерть.

Будто читая его мысли, на сканере засветились две крас-

ные точки. По тому, как они двигались, Габриель понял, что они не являются людьми. Более того, эти были скорее искусственными, созданными из органического вещества и металла. Габриель потянулся за прислоненным к стене плазменным ружьем. Эти твари не шибко проворны, но довольно настойчивы. Значит, их тоже придется бить на поражение.

Священник перезарядил ружье и приготовился стрелять. Взгляд его был прикован к монитору, на котором выплясывали красные точки. Они прыгали из стороны в сторону, прыгались, появлялись снова, возможно, пытаясь уйти от наблюдения. А потом...

Священник-следователь опустил ружье, положил его на колени и с удивлением воззрился на монитор. Точки были всё еще там, но вели себя как-то странно, словно передумали нападать и сменили направление. Через мгновение обе они перестали мигать и исчезли. Священник-следователь вздохнул и опустил прибор.

«Где носит этого чертового спута?» – пришла на ум усталая мысль. Он обернулся посмотреть, не возвращается ли попутчик, и тут острая боль пронзила плечо. Габриель вскрикнул скорее от неожиданности, чем от боли. Прежде чем он успел разглядеть нападающего, что-то ощутимо ударило в спину.

Священник выдохнул со всхлипом, застыл на мгновение с открытым ртом и мешком повалился на землю.

Пересадка была не самой приятной. Грязный салон транспортного судна, в котором им предстояло теперь лететь, вызвал неприязнь сразу, стоило только зайти внутрь. Разбросанный мусор, словно сюда опрокинули помойный контейнер, пьяные лица – всё это не вызывало никаких чувств, кроме брезгливости. До кучи, через ряд от них сидел зеленый чешуйчатый пришелец с корзиной. От корзины шел такой духан, словно в ней кто-то умер неделю назад. Сам хозяин корзины тоже выглядел как минимум странно: три ноги, два весьма своеобразных лица... про количество других частей тела Исаак постарался не думать – и без того тошно.

Он бросил взгляд на спинку переднего сиденья, потом закрыл глаза и ухмыльнулся. Ничего смешного в том, что он увидел, не было, как и причины для возбуждения. Просто именно так Исаак воспринимал всю иронию ситуации. Все годы его работы в Церкви Света, а их накопало уже немало, рыжий мечтал лишь об одном: покинуть Землю и отправиться куда-то подальше, где можно было бы открыть собственный бизнес. Например, какой-нибудь миленький бар-казино с фейс-контролем или бордель с танцовщицами в монашеских рясах.

Сейчас мечта начинала сбываться. Во всяком случае, он находился за пределами Земли и был свободен, как птица. Но именно теперь, когда перед ним открывался веер возможностей, ему отчего-то хотелось вернуться в свою комнату, забраться под теплое одеяло и забыть об этом ужасном пу-

тешествии.

Исаак закрыл глаза и вспомнил вид из окна своей второй спальни: ухоженный сад, далекие горы и пруд, – затем он увидел статуи из белого мрамора и величественные залы Библиотек... А еще через мгновение видения рассыпались, напоминая о том, что спальня вместе с домом, теплым одеялом и видом из окна осталась на Земле. Вместо ласкающих видений в голову вломился голос, который Исаак запомнил уже до такой степени, что слышал его во сне, а вернее, в ночных кошмарах:

– Ты знаешь, что в этой корзине Одрианский серебристый кот? – сообщил надоедливый попутчик.

Исаак открыл глаза, растеряв остатки сладостных земных воспоминаний, и снова посмотрел на корзину.

– Силицианцы очень любят Одрианских серебристых котов, – оживился Антрацит, видя, что подопечный не спит. – Это их самые любимые домашние животные, и неслучайно, потому что этим созданиям не нужно ни воды, ни пищи, они понимают все языки и всего за несколько минут могут подстроиться под поведение своего хозяина. Конечно, есть один недостаток – их запах иногда труднопереносим.

– Да уж, это точно, – Исаак скривился; казалось, мерзкая вонь проникла в слюну, скопилась комком на кончике языка. Священник поморщился и сплюнул прямо на пол.

Обычно священники Церкви не позволяли себе плевать, мусорить или что-нибудь портить, но Исаак решил, что

если уж весь этот тесный салон представляет собой один большой мусорный бак, то нет необходимости соблюдать чистоту, проповедуемую Святым Кодексом Поведения.

– Хочешь отделаться от этого запаха? – полюбопытствовал спут.

– Издеваешься?

– Интересуюсь, – парировал Антрацит.

– Разумеется, хочу.

– Тогда советую принять вот это, – верхняя левая конечность спута исчезла в кармане, а когда снова показалась на свет божий, на протянутой ладошке лежала маленькая голубая таблетка. – На, проглоти.

– Что это? – с подозрением воззрился на пилюлю Исаак.

– С.И.Н.А.

– Зина? Какая еще Зина?

– С.И.Н.А., – терпеливо объяснил спут. – Симптомокомплексный интенсивный нейтрализующий агент. Притупляет ощущения.

– В самом деле?

– Просто положи таблетку под язык и подожди десять минут, потом проглоти.

– А потом что? – съехидничал священник. – Три дня поноса, на четвертый смерть?

Но таблетку взял и сунул под язык, как и было велено. Средство оказалось практически безвкусным, словно в рот попал кусочек пластика. Он попытался прочувствовать эф-

фект, но ничего не произошло. Не было ни жжения, ни зуда, ни пощипывания.

Он улыбнулся и достал тонкий лист пластика – межгалактические новости замелькали мелкими строками. Взгляд побежал за ними: интервью со знаменитостями, прогнозы погоды, политические сводки... Ничего интересного. Хотя... Из стандартной новостной требухи Исаак вычленил статью о пользе различных видов эля и с удовольствием погрузился в чтение. Точнее сказать, попытался погрузиться. Его хватило всего на несколько строчек. Потом буквы поплыли перед глазами, веки налились свинцом, став непомерно тяжелыми. Не в силах сопротивляться, он уснул. По крайней мере, ему так показалось...

– Эй ты, просыпайся! – прошипел кто-то.

Габриель попытался открыть глаза. От этого, казалось бы, простого движения всё тело пронзила острая боль. Священник поморщился.

– Ну ладно тебе прикидываться, – продолжил голос. – Не настолько сильно я тебя и ударил.

Превозмогая боль, Габриель открыл глаза и потихоньку огляделся. В темной сырой комнате, что, скорее всего, была каким-то подвалом, не нашлось ничего примечательного. Единственное, что заслуживало внимания, – склонившаяся над ним высокая фигура.

Когда в глазах прекратило двоиться, стало окончательно

ясно, что перед ним человек. Мужчина среднего телосложения с короткими черными волосами, одетый в простой джемпер. Габриель шевельнулся, попытался подняться с пола.

– Вот и славно, – сообщил незнакомец, хотя ничего славного Габриель в данной ситуации не видел.

Мужчина отошел назад и присел, наблюдая за священником со стороны. Тот понял, что встать сейчас, по крайней мере сразу, у него не получится, и принялся изучать своего пленителя полулежа.

На Габриеля смотрело обычное лицо с серыми глазами, и он не мог понять, как случилось, что самый простой человек смог так легко отправить его в нокаут. Или он не так прост, как кажется?

– Я знаю, о чем ты думаешь, старина, – словно прочитал мысли незнакомец. – Тебе интересно, как я это сделал?

– Сделал что? – Габриель решил сыграть в протасовку, пытаясь выиграть время, чтобы до конца оценить ситуацию.

– Как такой парень, как я, смог уложить такого священника, как ты?

– Может, тебе просто повезло, – пожал плечами Габриель, собеседник и впрямь словно видел его насквозь, и это напрягало.

– Повезло, конечно, – ухмыльнулся незнакомец. – Куда ж без везения? Но в основном благодаря вот этому.

Он забросил руку за спину и ловко вытащил странного ви-

да предмет. Более всего он напоминал металлическую трубку в метр длиной с каким-то чудным приспособлением на одном конце и стеклянным шаром на другом. На трубке мигало несколько красных огоньков, а из двух расположенных в центре дырочек выходил голубой пар.

– Нестандартная штукавина, – небрежно заметил Габриель.

– Вращающийся излучатель, – с гордостью объявил незнакомец. – Моя разработка. Авторская. Я сам сделал эту долбаную штуку, старина, прямо здесь вот этими самыми руками.

– Угу, – кивнул священник. – А теперь то же самое, но по-человечески. А то из твоего объяснения я понял только, что ты гений.

– Ну, не гений, конечно, – приосанился тот. – Но спасибо, что заметил. Смотри: по сути, это типичное лучевое оружие, только с некоторыми модификациями, так сказать. Изначально, если честно, я сделал его, чтобы отгонять космических крыс. Потом началась вся эта история с карантином, и меня здесь заперли вместе с другими. Тогда я еще немного повозился с прибором, и конечный результат оказался весьма неплох для самообороны. Безусловно, это не совсем оружие, убить им нельзя, но хорошенько наподдать можно. – Незнакомец хихикнул и подмигнул пленнику. – Ты же понимаешь, что я имею в виду?

– Да уж, – поморщился Габриель, ощущая характерную

боль в затылке. – Понимаю как никто другой.

– Ну извини, – снова хихикнул незнакомец. – Вообще-то я целился в спину, но боюсь, я не очень меткий стрелок.

– Это точно, – сердито кивнул священник.

Изобретатель лучевой штуковины пребывал, казалось, в хорошем настроении, и Габриель решил, что пора переходить в наступление.

– А ты вообще-то кто такой? – небрежно поинтересовался он.

– Ой, извини, старина, – хлопнул себя по лбу мужик. – Меня зовут Топор.

– Топор? Странное имя для человека.

– Для человека – да. Но я рос не среди людей. А для тех, кто занимался моим воспитанием, в этом имени нет ничего странного.

Габриель пошевелился. Боль понемногу отступала, но от долгого сидения в одной позе затекла нога. Священник выбросил ее вперед, поморщился.

– И кто же занимался твоим воспитанием?

– Бревиане.

– Сожалею...

– С чего это? – не понял Топор.

– Насколько мне известно, бревиане не любят людей с того самого момента, как была создана Федерация.

– Глупые слухи, – отмахнулся мужчина. – Бревиане такие же, как и все прочие инопланетяне. Им нет особого дела до

людей – это так, но им вообще ни до кого нет дела. Что касается меня, то мне повезло. Я повстречал образованных бревьян, они приютили меня, кормили, одевали и дали хорошее имя – Топор. И ничего плохого сказать об этих люд... о них я не могу.

– Ну тогда рад с тобой познакомиться, Топор.

– А тебя как зовут, священник?

– Брат Габриель, – раз к нему обратились как к священнику, то и представиться Габриель решил как священник.

– Габриель, – со вкусом повторил Топор. – Интересное имя, а что оно значит?

– Разве оно должно что-нибудь значить?

– Конечно. Вот, например, брат Христофор... Христофор – несущий Христа, хотя, кто такой Христ, я не знаю. Или Алексей... ты же священник, правда?

– Да, – кивнул Габриель.

– Тогда у твоего имени есть какое-то значение. Какое?

Габриель задумался.

– ...и тогда моя тетушка разродилась в четвертый раз и принесла дядюшке тройню. Эти три несчастных спутника еще малы, чтобы самостоятельно определить свое будущее, но за них уже всё определено. Они, как и их родители, и братья, и сестры, и другие родственники, будут чистить дренажные системы.

На свое несчастье, Исаак уже проснулся и теперь слушал

спута вполуха. Игнорировать попутчика совсем не получалось, отчего рыжий священник пребывал в тоске. Потому, когда в проходе появилась стюардесса, Исаак заметно приободрился и замахал рукой:

– Девушка, есть у вас еще какой-нибудь оригинальный эль?

Помимо пользы, указанной в статье, эль имел и еще одно неоспоримое достоинство: он не давал свихнуться от того дикого потока ненужной информации, которую выдавал спут. Последние часов шесть он рассказывал о своих родственниках, и Исаак, плюнув на приличия, решил пить, дабы не пришибить синекожего любителя поболтать.

– Боюсь, что вы перепробовали уже весь наш ассортимент, – отозвалась рыженькая бортпроводница с очаровательным чуть вздернутым носиком.

– Тогда принесите еще темного.

– Которого? Того, который вы пробовали первым, четвертым или седьмым?

– Давайте первый, – махнул рукой священник. – Повторим весь цикл.

Девушка удивленно посмотрела на представителя Церкви Света.

– Вот бы никогда не подумала, что такое может быть, – не удержалась она. – А говорят, что священники не пьют вовсе.

– Почему не пьют? – нетрезво усмехнулся Исаак.

– А как же запрет Церкви?

– На путешественников запреты не распространяются. А я сейчас в дороге, – объяснил Исаак.

Девушка посмотрела на него с еще большим удивлением, и рыжий следователь почему-то почувствовал себя неловко, словно его застали за каким-то крайне неприличным занятием.

– Понимаете, у меня боязнь безвоздушного пространства и аллергия на синий цвет. А тут в открытом космосе и в такой компании. – Исаак скосил глаза на примолкшего спута. – Вы поймите, если не эль, я просто сойду с ума, а кому нужен свихнувшийся священник? И потом, вы знаете, насколько полезен эль для человеческого организма?

Девушка покачала головой.

– Принесите кружечку, и я вам расскажу, – пообещал священник.

– Вот уж не думал, что ты знаешь о том, что запрещено и разрешено священникам света второго и третьего тысячелетия, – восхищенно выдохнул спут, стоило только бортпроводнице отойти в сторону.

– С чего ты взял, что я это знаю? – не понял рыжий следователь.

– Ты же сам сказал, что в дороге запреты Церкви смягчаются. Эти запреты и разрешения не имеют отношения к служителям Церкви Света, но были широко распространены в...

Исаак схватился за голову и завыл:

– Прошу тебя – помолчи.

– Но это же информация, – удивленно выпучился Антрацит.

– Это ненужная, лишняя информация, – зарычал Исаак. – Пойми же, мой синий друг, я – не ты. Я примитивное существо со своими примитивными потребностями. Я хочу выпить и забыться, а меня гонят на другой конец галактики, и ты еще трещишь без умолку. А я хочу только выпить и подремать.

– Маслоу, – констатировал Антрацит.

– Чего? – не понял Исаак.

Спутана снова понесло.

– Была такая школа психологии. Это еще до того, как психологию признали лженаукой.

– Земля, второе тысячелетие, – пробормотал Исаак и тут же мысленно отругал себя за длинный язык.

– Нет, – радостно подхватил Спут. – Земля, третье тысячелетие. Эта психологическая школа возникла в третьем тысячелетии. Принято считать, что она основывалась на трудах некоего Абра Хама Маслоу, но это спорные данные. Именно благодаря последователям этой школы, а также школы некоего Анна Зиг Муда Фрейна в двадцать седьмом веке психологию признали лженаукой. Позднее, в двадцать восьмом столетии...

На счастье Исаака, вновь появилась стюардесса. Священник-следователь подхватил кружку и сделал мощный глоток.

Прохладная пьянящая жидкость ринулась внутрь, расслабляя и успокаивая.

– Вы обещали рассказать о пользе эля, – мило улыбнулась девушка.

– Да-да, конечно, – кивнул Исаак и повернулся к спуту: – Извини, дружище, но даме требуется информация, а дамам отказывать неприлично.

– Почему неприлично?

– Это я тебе потом объясню.

– Но как же психология?

– И психология потом, всё потом, – Исаак похлопал инопланетянина по плечу, обернулся к девушке и принялся вещать так, как вещают искусные актеры или политики, но никак не священники-следователи Церкви Света.

Тело давно уже пришло в нормальное состояние. Габриель понял это, когда смог без последствий для самочувствия напрячь и расслабить каждую мышцу. Однако вида не подал. Зачем противнику знать, что он может в любой момент вскочить на ноги и легко уложить несчастного Топора?

Насчет «легко уложить» священник слукавил. Легко бы получилось вряд ли. Именно поэтому он уже четверть часа прикидывал, в какой момент лучше подскочить и ударить. Собеседник говорил много и по большей части ни о чем. Предавался воспоминаниям детства, отрочества и юности, потом вернулся к лучевой конструкции и закопался в техни-

ческих пояснениях.

Габриель не слушал. Он считал шаги. Пять шагов вправо, шаг на разворот, пять шагов влево, еще шаг на разворот. Бить надо на развороте, значит, вскочить за мгновение до того. Причем вскакивать тогда, когда на него не смотрят. Например, когда Топор закатывает к потолку глаза. Определить этот момент не составит труда. Священник давно уже обратил внимание на манеру крысолова говорить что-то, повышая тембр голоса, и заканчивать реплику глазами к небу и тяжелым вздохом. Теперь осталось только дожидаться нужного момента, когда глаза закатятся за мгновение до разворота.

Увлеченный своими мыслями, Габриель напрягся, готовый ринуться вперед. Но планам не суждено было сбыться, несмотря на тонкий расчет священника. Топор резко остановился, прервав себя на полуслове, и пристально посмотрел на Габриеля. Вместе с изобретателем на представителя Церкви Света скопилось и лучевое изобретение.

Неправда, что оружейный ствол смотрит угрожающе, или бесстрашно, или еще как, мелькнуло в голове следователя. Это всё придумки беллетристов и сходящего с ума воображения. Просто человек, на которого наводят ствол, чувствует себя не очень-то весело, вот и очеловечивает оружие.

– Ты это... – Топор повел стволом своего изобретения, – того... в смысле без глупостей.

– В смысле? – осклабился священник.

– В смысле драк устраивать не будем.

– Я и не собирался, – Габриель миролюбиво улыбнулся, потянулся и неторопливо поднялся на ноги.

– Ну-ну, – кивнул Топор.

По глазам изобретателя было видно, что священнику он не поверил.

– Ты пойми главное, – поспешил объяснить он, глядя, как Габриель разминает ноги. – Я не враг. И ты не враг.

– А кто враг? – словно между делом поинтересовался Габриель. – И потом, я на тебя не набрасывался, свои изобретения на тебе не испытывал. И в бессознательном состоянии тебя на дальние расстояния не перетаскивал.

Священник поглядел в глаза собеседнику. Тот опустил излучатель и насупился. По всему было видно, что Топор обижен. С другой стороны, стало ясно, что нападать он не собирается. И расстройтва по первому поводу Габриель испытывал явно меньше, чем радости по второму.

Изобретатель засопел, словно собираясь что-то сказать, но промолчал. Только фыркнул, крикнул, выдал еще парочку нечленораздельных звуков и умолк. Священнику стало чуть более совестно, он хотел уже было извиниться, не очень понимая, за что, но Топор снова засопел и на этот раз разразился тирадой:

– Во-первых, не на дальнейшее расстояние. Всего-то в подвал спустил.

Он прервался, но только для того, чтобы еще раз обиженно посопеть. Не дав Габриелю вставить и слова, порывисто

продолжил:

– Во-вторых, я ничего ни на ком не испытывал. В-третьих, хороших людей здесь давно уже не осталось, а на плохих лучше нападать первым, пока тебя не прибили. Кто знал, что здесь окажется священник, а не эти...

Последние несколько сапов вышли совсем уж натужными и не столько грозными, сколько смешными.

– И вообще, я тебя спас.

– Ты?

– Да.

– И от кого же?

– От них, – Топор кивнул куда-то в сторону. – Пока ты со своей пушкой за монитором наблюдал, четверо тварей к тебе с тыла подбирались.

– Хм-м. Интересно, и почему я их не засек?

– Да потому, что они за титановыми ящиками прятались, а ящики эти сигналы сканеров отражают...

Объяснения Топора звучали убедительно и, что самое главное, искренне. Священник-следователь улыбнулся.

– Ладно, извини. Не хотел тебя обидеть.

– Не хотел, – передразнил успокоившийся изобретатель. – Уволокли его... на дальние расстояния... Надо было там оставить. Там как раз сейчас какая-то дрянь ходит.

Внутри похолодело. Габриель почувствовал, как лоб покрывается испариной.

– Какая дрянь?

– Да ты особенно не суетись. Он хоть и синий, как утопленник, и страшный, как сороконожка, но мелкий. Один точный выстрел – и всё!

– Синий, – Габриель облегченно вздохнул. – Это не враг. Это спут.

– Кто? – не понял Топор.

– Спут, представитель одной очень известной инопланетной расы. Ты что, – искренне удивился Габриель, – спутов никогда не видел?

Топор покачал головой.

– Счастливый, – искренне позавидовал священник. – Пойдем наверх, познакомлю.

Свет ударил в лицо так ярко, что стало больно смотреть. Габриель зажмурился, но только в первый момент – спустя несколько секунд глаза адаптировались. Топор, напротив, щурился, опускал голову, прикрывал лицо ладонью, второй рукой хлопая себя по карманам. Наконец достал очки с темными стеклами и, поспешно надев, немного расслабился.

– Последнее время чаще всего прячусь по подвалам. Редко выхожу на свет, отвык, – пояснил изобретатель. – Снаружи опасно.

– А внизу? Нет?

– Внизу тоже опасно, – пожал плечами Топор. – Но дома и стены помогают. Верно?

Ответить Габриель не успел. К ним вразвалку приближал-

ся спут. Видом своим он сейчас больше всего напоминал мыльный пузырь – синий и надутый.

– Ты меня очень расстроил, – выпалил он и застыл в ожидании реакции.

– Это Топор, – представил Габриель. – Это 100 ГЦ.

– Вообще-то мое полное имя 100 градусов по Цельсию, – быстро вернулся к привычно трескучему состоянию спут, – но...

– Но, пожалуйста, обойдемся без длинных историй, – прервал священник-следователь.

– А с тобой я не разговариваю, – с достоинством сообщил 100 ГЦ. – Мало того что не научился выражать свои мысли, не в состоянии объяснить, чего хочет. Мало того что всё время обрывает меня на полуслове, так еще и уходит неизвестно куда. И даже не предупредил. Я уже подумал, что задание мое завершилось...

Священник повернулся к Топору. Взгляд его за темными стеклами угадать не удалось, но отвисшая челюсть говорила о многом.

– Это спут, – со злорадством, недостойным священника Церкви Света, пояснил Габриель. – Типичный представитель.

Космопорт выглядел довольно паршиво. Небольшой, основательно замызганный. В конце зала горел старомодный светящийся рекламный щит с изображением шахтера в до-

потопном костюме. У шахтера фальшиво светилась белозубая улыбка, а рядом с ним моргала надпись «Добро пожаловать на Паладос». Причем несколько буквочек почему-то не горели, отчего надпись выглядела загадочно.

Картинка вырисовывалась весьма прискорбной. Впрочем, если развлечения здесь выдержаны в том же допотопном духе, то это может быть интересно. Дремучая экзотика.

Утешив себя такой мыслью, Исаак потопал к контрольному пункту. Проблем с таможенной не возникло, так как самой таможни толком не было. Просто под мерцающей надписью, подвешенной, видимо, вместе с рекламным щитом сотни лет назад, стоял скучающий дядька в форме.

– Оружие, наркотики, драгоценности...

– Отсутствуют, – закончил рыжий.

– А жаль, – вздохнул таможенник, – могли бы договориться.

От подобного Исаак слегка растерялся, но взял себя в руки и попытался принять серьезный вид.

– О чем вы? Я же священник, – голос прозвучал фальшиво. Оставалось только надеяться, что лицо сохранило благость и солидность. Впрочем, лицу Исаак доверял меньше, чем голосу.

Таможенник покосился на следователя равнодушно. Пожал плечами.

– А что, священник не человек? Проходи. Не задерживай. Исаак двинулся вперед, за спиной притормозил Антра-

цит.

– Имя, номер, – так же бесстрастно спросил таможенник.

– Простите? – не понял спут.

– Шучу, – ухмыльнулся таможенник, и рыжий следователь понял, что это первая эмоция, которую он увидел на лице паладосийца. – Добро пожаловать на Паладос.

В городе было чище, чем в космопорте, но ожившая древность здесь словно напитала воздух. Создавалось впечатление, что когда-то давно возведенная столица планеты умерла для всякого рода строителей, архитекторов и прочих гениев инженерной мысли. Будто бы люди, равно как и представители других цивилизаций, забыли, что здесь можно что-то построить или хотя бы отремонтировать. Возможно, так оно и было на самом деле.

Исаак со смешанным чувством поглядел на спута и решил всё же не уточнять у синего попутчика подробности местной истории и географии. Во всяком случае, до той поры, пока эти подробности не станут жизненно важными.

Главный город забытой богом и строителями планеты светился всё теми же допотопными рекламами, вывесками и табличками. Правда, среди абсолютно идиотских встречались и весьма приятные. Например «Кафе-бар». Причем у этой надписи светились все буквы, а даже если б вдруг перестали светиться все разом, то огромную пивную кружку Исаак не пропустил бы никак.

Ноги сами понесли к заведению, и рыжий священник не стал противиться рефлексу.

– Думаю, – подал голос спут, – нам сперва нужно отправиться к местному правительству и выяснить...

– Неправильно мыслишь, – благосклонно отозвался Исаак. – Для начала надо выпить.

– Зачем? – заморгал спут.

– То есть как... Здоровье поправить.

– Ты говорил, что у тебя боязнь безвоздушного пространства, но мы уже не в космосе.

– В космосе, дружище, в космосе. Планета – тот же космолет, только побольше и естественного происхождения. И он точно так же несется через безвоздушное, темное, страшное... И потом – ты забываешь про аллергию на синий цвет. Пока ты рядом, я буду пить.

– А если я уйду? – заинтересовался Антрацит.

– Я всё равно буду пить, – пожал плечами священник-следователь. – Только никто не будет задавать мне idiotских вопросов.

До бара оставалось совсем немного, и он ускорил шаг. Антрацит еле поспевал следом. Даже запыхавшийся, он не мог противиться своей природе.

– А как же задание? – сделал он последнюю попытку. – Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

– У тебя устаревшие данные. Записывай в свой блокнот, на подкорку или куда вы там пишете... фиксируй важную

информацию: не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра. Или вот... Работа не... впрочем, это тебе пока рано. Идем.

И он толкнул тяжелую деревянную дверь.

Глава 7

«До чего я дожил?»

Этот вопрос терзал рыжего священника-следователя Церкви Света крайне редко и относился к ряду вопросов, ответа не имеющих. Что произошло раньше: курица или яйцо? Кто убил Цезаря? Кто такой этот самый Цезарь? До чего я докатился? Как жить дальше? Подобные штуки приходили в рыжую голову на той редкой стадии опьянения, когда становится грустно за прошлое, страшно за будущее и хочется поплакать о настоящем.

Посетителей в питейном заведении было немного. Пара завсегдатаев в зале, бармен по ту и спут по эту сторону барной стойки. Исаак поманил бармена.

– А что, дружище, плесни-ка еще по рюмке. Могешь?

Бармен повел плечом и выставил на стойку три рюмки.

Сперва Исаак подсадил на алкоголь спута. Антрацит сопротивлялся как мог, но обещание массы новой информации подействовало на синекжего инопланетянина. После третьей рюмки спут раздухарился, после пятой приобрел странно лиловый оттенок, чем немало напугал собутыльников. После шестой сообщил, что без алкоголя больше никогда не сможет медитировать, и завис.

Третьим стал сам бармен. Этот был явно не прочь выпить за счет клиента, и долго уговаривать его не пришлось. Хотя

дежурную фразу: «Я на работе» – он произнести успел... пока протирал пыльную бутылку. Сейчас жидкости в бутылке осталось меньше половины.

Бармен поднял пузатый сосуд темного стекла и бережно принялся разливать мутноватую жидкость по рюмкам.

– Могу, – прокомментировал он свои действия. – Если клиент платит, почему не смочь.

– Не знаю, – пожал плечами Исаак. – Обычно людей смущает то, что я в рясе.

– Не на Паладосе, – покачал головой бармен и закупорил бутылку. Пробка с недовольным скрипом втиснулась в узкое темное горлышко. – Здесь у нас на чин не смотрят. Есть деньги – живи, как хочешь. Нет денег – живи, как получится.

– На Земле иначе, – вздохнул Исаак. – Если священник, то будь добр соответствовать. Если полицейский... если... да кто угодно. Кругом камеры наблюдения, каждое движение записывается. Попробуй не несоответствуй статусу, и всё: проблемы обеспечены.

Бармен поднял рюмку и покосился на спута. Исаак перехватил взгляд и пихнул Антрацита в бок. Тот сидел с закрытыми глазами, растопыбив все шесть конечностей, и молчал, чего за спутами отродясь не наблюдалось. На беспардонный тычок спут только блаженно улыбнулся, но глаз не открыл.

Исаак махнул рукой, поднял рюмку и, чокнувшись с барменом, выпил.

– Не знаю, – продолжил тот, ловко убирая рюмки. – Я Зем-

лю только на картинках видел в журнале. У нас ее не любят, но это вслух только. А так все спят и видят, как бы туда слинять. На периферии вот мечтают сюда, в столицу, перебраться, здесь мечтают с планеты свалить. Лучше, конечно, на Землю. А на Земле куда мечтают?

– Кто как, – задумчиво протянул Исаак. – Я вот неделю назад никуда не хотел. Сейчас, может, мечтаю здесь остаться. А как протрезвею, может, снова на Землю захочу.

– Там хорошо, где нас нет, – философски заметил бармен. – Еще по одной?

Исаак кивнул.

– Только спуту не наливай. С него хватит.

Бармен налил в две рюмки, поднял свою.

– За то, чтобы оставаться самим собой.

Собравшийся было выпить Исаак поперхнулся и отставил рюмку.

– За это пить не буду.

– Почему?

– Потому что я не хочу быть тем, кто я есть. Я не хочу быть священником. Мне не нравится.

«Зачем я это говорю?» – пронеслось в голове, но тут же и вылетело.

– Зачем тогда становился священником?

– Священником-следователем, – поправил Исаак и заглотнул содержимое рюмки. – Ты уверен, что это коньяк?

Вместо ответа бармен просто протянул бутылку:

– Читай.

– Это же не по-нашему!

– Тут написано, что это настояно на буке. Значит, коньяк.

– Сам ты бук! Коньяк настаивается не на буке, а в дубе.

Точнее, в дубовых бочках. Кажется.

– За это стоит выпить, – тонко намекнул бармен. – Так чего ж ты стал священником, если тебе не нравится?

Чего он стал священником? Исаак горько вздохнул, положил руки на стойку и водрузил сверху голову. Взгляд у священника-следователя стал пустым и печальным.

– А меня кто-нибудь спрашивал? Мои добрейшие родители, которых я никогда в глаза не видел, оставили меня на ступеньках часовни. Я вырос в Церкви, среди священников. Кем я мог стать?

Бармен посмотрел на клиента-собутыльника с новым интересом. Но не нашел что ответить и пожал плечами. Исаак опечалился еще больше.

– Они сделали из меня священника-следователя. Обеты, запреты, правила. То не делай, сюда не ходи. А я хочу радоваться жизни. Развлекаться. Что в этом плохого? Все развлекаются. Ты видел утконоса? Вот шутка так шутка. А павлин? Разве это не издевательство – обрядить курицу в яркие перья, но оставить ей куриные мозги? А мне говорят, что я священник и не могу пить или перекинуться в карты. Потому что я должен являть собой пример праведности. А я разве не являю? Я же не убиваю, не краду, Призраков, как и учили, ненавижу всем сердцем. Даже отца с матерью почитаю, хоть они меня и бросили. Я не желаю жены ближнего своего. Да и

зачем, когда вокруг столько незамужних дамочек? Но к ним клеиться почему-то тоже нельзя. Хотя в священной литературе об этом ни слова. И почему я должен это терпеть? Я и так праведник. А если мне не дадут выпить, стану святым. Давай по последней, и я пойду.

– Куда?

– К вашему начальству. Где у вас тут местное правительство?

– А тебе зачем? – глаза бармена загорелись любопытством, словно масла в огонь плеснули.

– Надо, – уклончиво отозвался Исаак. – Я ж к вам по делу прилетел, а не пить тут с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.